

В. Л. СМИТ

Френдзона
с первого курса

18+

В.Л.Смит В.Л.Смит

Френдзона с первого курса

<https://litres.ru/74381923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Папа всегда говорил мне: "Кейт, будь смелее, иначе жизнь пройдёт мимо." Но смелость — это то, чего мне всегда не хватало.

В колледже я наконец-то обрела свой маленький мир: нас трое — я, Мэттью и Дженна. Мы смеёмся до слёз, говорим о будущем, делимся мечтами и страхами. И всё было бы идеально... если бы я не хранила в тайне одну вещь: я влюблена в Мэттью.

Я боялась признаться, боялась разрушить нашу дружбу. Но, кажется, молчание стало моей главной ошибкой. Потому что однажды он сказал мне: "Мы с Дженн встречаемся."

Теперь мне предстоит выбор: бороться за свои чувства или отпустить. Сделать шаг вперёд или снова спрятаться в страхе. Но хватит ли мне смелости наконец-то сказать правду — не только ему, но и самой себе?

Содержание

1 глава	4
2 глава	26
3 глава	37
4 глава	54
5 глава	69
6 глава	81
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Френдзона с первого курса

1 глава

Сегодня — особенный день. Выпускной. Закрывается одна глава моей жизни, и начинается другая. День, когда я наконец-то соберусь с духом и скажу Мэтту, что он мне нравится.

Сильно.

Настолько сильно, что это чувство стало частью меня с самого первого курса. Столько раз убеждала себя, что скажу — завтра, в следующем месяце, когда появится подходящий момент. Сегодня не просто выпускной. Сегодня я должна, обязана перестать прятаться за страхами.

Я выбежала из общежития, торопясь на церемонию, с глупой улыбкой на лице. Будто это не последний день университета, а первое занятие, на котором всё только начинается. Волнение внутри гудело, как натянутая струна, и каждый шаг отдавался эхом где-то в груди. Я чувствовала — этот день принесёт только лучшее.

Я помню, как всё началось. Будто вчера.

Первый курс. Я была потеряна, сбита с толку, не знала, куда себя деть, пока не встретила Дженну. Она была яркой, уверенной в себе, как звезда, чьё сияние невозможно игнорировать. Она вошла в мою жизнь легко, без приглашения,

и стала первой настоящей подругой. Иногда мне казалось, что она жила в мире, куда мне не суждено было попасть — мир блестящих машин, дорогих ресторанов, вечеринок, которые устраивали в загородных клубах, и возможностей, доступных только тем, у кого достаточно денег.

Однажды она взяла меня с собой.

Это был её мир.

Именно там я впервые увидела Мэтта.

Он стоял чуть поодаль, смеясь над чем-то, что сказал его друг. Свет фонарей выхватывал из темноты углы его лица, подсвечивал пряди тёмных волос, заставляя их поблёскивать. И вдруг он поднял глаза.

Всё.

Мир перевернулся, сместился, сузился до одного этого взгляда.

С того момента мы стали неразлучны. Мы учились вместе, гуляли, болтали до поздней ночи. Эти годы были лучшими в моей жизни. Но за всё это время я так и не решилась сказать, что чувствую.

И вот теперь всё должно измениться.

Толпа гудела вокруг, я пробиралась сквозь неё, стараясь уберечь прическу, на которую потратила два часа. Увидев Дженну, я выдохнула:

— Надеюсь, я не опоздала.

— Нет, церемония началась десять минут назад, — ответила она, даже не глядя на меня. Она поправляла идеально

уложенные волосы, хотя они и так выглядели безупречно.

— А где Мэтт?

Я быстро огляделась, но его нигде не было.

— Сказал, что отлучится ненадолго. Не волнуйся, он успеет.

Я кивнула, хотя внутри что-то неприятно сжалось. Время пронеслось, как в тумане. Я чуть не пропустила своё имя, если бы Дженна не толкнула меня локтем.

— Эй, твой выход, — улыбнулась она.

Словно во сне я поднялась на сцену, поблагодарила декана и услышала щелчок камеры. Вернувшись на своё место, я снова начала искать его взглядом.

И вдруг...

— Успел!

Запыхавшийся Мэтт возник из ниоткуда с привычной широкой улыбкой.

— Ни за что бы не пропустил твою прощальную речь.

Дженна улыбнулась ему. Тепло и мягко.

Я заметила, как их пальцы на мгновение переплелись, и что-то в этом жесте кольнуло меня так больно, что я заставила себя отвернуться.

Когда пришёл её черёд выходить на сцену, я затаила дыхание. Она говорила уверенно, легко, как будто этот момент был написан специально для неё. Толпа слушала её, затаив дыхание.

Я перевела взгляд на Мэтта. Он смотрел на неё, но не про-

сто смотрел.

Беззвучно повторял её слова, не сводя с неё глаз. В его лице читалась такая неприкрытая нежность, что у меня пересохло во рту. Словно я стала невидимкой в собственном теле, наблюдающей за чем-то прекрасным и мучительным одновременно.

Позже, вечером, мы отмечали выпуск в ресторане. Отец Мэтта оплатил всё. Это место стоило больше, чем я зарабатываю за год, но для него это не имело значения. Он привык к роскоши. Родился в ней.

Мы смеялись, болтали, вспоминали всё, что было за эти годы. Но когда вечер подошёл к концу, остались только мы трое. Я поймала момент — Дженна отошла попудрить нос, и я повернулась к Мэтту, собираясь с духом.

— Мэтт, я давно хотела тебе сказать...

Он наклонился ближе, и в его глазах мелькнуло любопытство. Но прежде чем я успела продолжить, вернулась Дженна и легко коснулась его плеча.

— О чём секретничаете? — рассмеялась она, и Мэтт тут же отвлёкся на неё, а мои слова застряли в горле, так и не родившись.

Мы сели в такси. Я смотрела в окно на проплывающие огни города и чувствовала, как внутри скапливается холодная пустота. Мне нужно было сказать. Прямо сейчас. Пока ещё есть крошечный шанс.

— Мэтт, хотела сказать...

Но такси резко остановилось возле моего дома. Я вышла, чувствуя себя опустошённой.

— Кейт! — Мэтт опустил стекло. — Ты что-то хотела сказать?

Я посмотрела на них — таких красивых, таких идеально подходящих друг другу. На Дженну, которая уснула на плече у Мэтта, и на то, как крепко он сжимал её руку во сне. Ответ был написан в этом жесте ярче любых слов.

— Ничего важного. Спокойной ночи.

Машина уехала, унося с собой последние отблески надежды. Где-то глубоко внутри что-то сломалось окончательно. Я глубоко вздохнула, пытаясь сдержать рвущуюся наружу боль.

— Завтра, — прошептала я. — Завтра я обязательно скажу.

Только... кажется, в этом уже нет смысла.

Будет ли завтрашний день таким, как я себе представляла?

Лёжа на кровати, я глядела в тёмный потолок, на котором иногда проносились светлые блики проезжающих машин. И кое-что вспомнила. Вспомнила, почему молчала так долго.

На втором курсе, возвращаясь после дополнительных занятий, я случайно услышала разговор Мэтта и его друга в пустом коридоре. Я собиралась окликнуть его, но замерла, услышав собственное имя.

— Мэтт, ну серьёзно, Кейт? Ты постоянно с ней зависа-

ешь, — голос его друга сочился пренебрежением.

— А что с ней не так? — спросил Мэтт, и я почувствовала, как сердце забилося в горле.

— То. Она не из нашего круга. Такие, как она, здесь временно. Стипендия закончится — и поминай как звали. Строить с ними что-то долгое — пустая трата времени.

Я ждала, что Мэтт возразит. Скажет, что я не «такая». Что я его друг, что это не имеет значения.

Но он промолчал. Просто пожал плечами и перевёл разговор на другую тему.

В тот вечер я впервые выплакала подушку. И в тот вечер я впервые убедила себя: «Подожду. Пока не докажу, что я чего-то стою».

Сегодня я получила диплом с отличием. Но, чтобы я ни делала, я никогда не окажусь в их круге.

Я проснулась рано, едва рассвет окрасил небо в бледно-розовый. Первым делом открыла ноутбук и снова начала рассылать резюме.

Уже неделю моя жизнь сводилась к бесконечным письмам, поиску вакансий и ожиданию. Бесконечному ожиданию.

На встречи с друзьями не оставалось ни времени, ни сил. Да и зачем? Их будущее уже было решено задолго до выпуска. Родители обо всём позаботились. У них были контракты, связи, места в семейном бизнесе.

А я?

У меня не было гарантий. Ни протянутых рук, ни заранее подготовленного места, ни безопасной сети, которая подхватила бы меня, если что-то пойдёт не так. Только я сама, мои навыки и настойчивость.

Каждый раз, открывая почту, я чувствовала, как внутри что-то болезненно сжимается. Надежда? Страх? Или, может быть, усталость от бесконечных отказов?

И вдруг на следующий день пришло письмо.

Я перечитала его раз десять, прежде чем осознать, что вижу. "Vivid Visuals" приглашают меня на собеседование.

На секунду всё вокруг замерло, а потом эмоции хлынули волной. Я вскрикнула от радости так громко, что сверху раздались раздражённые удары. Соседи. Эти стены тоньше бумаги. Но мне было всё равно.

Я получила это письмо во вторник, в восемь утра, когда ещё не успела допить первую кружку растворимого кофе. «Vivid Visuals» приглашали на финальное собеседование. Я перечитала его пять раз, прежде чем поверить. А ещё через неделю, когда я выходила из метро, прижимая к груди папку с эскизами, раздался звонок. Меня взяли.

Я простояла на выходе из метро минут десять, не меньше, просто глядя на экран телефона, где всё ещё светилося имя HR-менеджера. Люди обтекали меня с двух сторон, кто-то задел плечом, но я не двигалась. А потом дрожащими пальцами набрала единственный номер, который помнила наизусть.

— Пап?

— Кейт? Что случилось? — его голос мгновенно стал встревоженным. — Ты плачешь?

Я рассмеялась — сквозь слёзы, которые действительно текли по щекам, хотя я даже не заметила, когда они начались.

— Я не плачу. То есть плачу, но это хорошие слёзы. Пап, меня взяли. В «Vivid Visuals». Это та самая фирма, о которой я тебе рассказывала. Они сказали, что моя концепция была лучшей среди всех кандидатов. Лучшей, пап!

В трубке повисла пауза — та самая, которая бывает, когда человеку нужно время, чтобы осознать услышанное. А потом он выдохнул — длинно, шумно, словно сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Господи, Кейт. Напугала. — его голос дрогнул. — Я знал. Знал, что у тебя получится.

— Правда? — я вытерла щёку ладонью.

— Правда. Я видел, как ты работала. Как сидела над этими учебниками до трёх ночи. Как отказывалась от всего — от вечеринок, от поездок, от всего, что отвлекало бы тебя от цели. Ты столько лет шла к этому, моя хорошая. Столько лет и ты заслужила. Не потому, что тебе повезло. А потому, что ты сама — слышишь? — сама всего добилась.

Я прислонилась к холодной стене метро и закрыла глаза. По щекам снова текли слёзы, но теперь это были другие слёзы — тёплые, почти сладкие.

— Знаешь, что я сейчас вспомнил? — продолжал он, и

в его голосе появилась та мягкая, чуть насмешливая интонация, с которой он рассказывал истории из моего детства. — Как ты в пятом классе решила, что станешь дизайнером. Ты тогда изрисовала все обои в своей комнате. Мама была в ярости. А я смотрел на эти каракули и думал: «Она точно чего-то добьётся». Потому что ты никогда не сдавалась. Никогда. Даже когда было трудно.

— Пап, — прошептала я, — ты меня сейчас до инфаркта доведёшь своей гордостью.

— Ничего, — хмыкнул он. — У меня сердце крепкое. Я ещё на твою свадьбу планирую попасть. И на внуков посмотреть. Так что не вздумай меня хоронить раньше времени.

Я рассмеялась — на этот раз без слёз.

— Я люблю тебя, пап.

— И я тебя, моя хорошая. Отпразднуй это ты заслужила. И знай: где бы ты ни была, кем бы ни стала — для меня ты всегда будешь той самой девочкой, уничтожающая мои обои. И я всегда, всегда буду тобой гордиться.

Я отняла трубку от уха и посмотрела на неё, словно могла увидеть его лицо. А потом убрала телефон в карман и пошла к выходу. На улице светило солнце — редкое, почти невозможное для этого города. И впервые за долгое время я чувствовала, что всё делаю правильно.

Я нашла работу в рекордные сроки. Это было даже больше, чем я могла надеяться. Конечно, я понимала, что первое время буду выполнять самые простые задачи, но мне дали

шанс. Мне дали надежду.

На следующий вечер мы наконец-то встретились. Я даже не осознавала, как сильно скучала.

Мы говорили почти два часа без остановки — о новостях, планах, мечтах. Как будто снова вернулись в те времена, когда учёба связывала нас крепче всего на свете.

Дженна без устали рассказывала, какая у неё потрясающая работа. Её глаза сверкали от возбуждения, она размахивала руками, оживлённо смеясь. А Мэтт...

Он молчал. Просто наблюдал за ней, иногда улыбаясь. О своей работе в компании отца он говорил коротко, будто это не имело никакого значения.

Время пролетело незаметно. Только когда кафе начало пустеть, мы поняли, что пора уходить.

Я потянулась за сумкой, но вдруг...

— Кейт, — тихо сказал Мэтт.

В его голосе было что-то такое, что заставило меня замереть.

Я подняла взгляд, задержав дыхание.

— Перед тем как разойтись, мы хотели бы тебе кое-что сказать, — он бросил быстрый взгляд на Дженну, а затем снова посмотрел на меня. — Мы собирались ещё после выпуска, но всё как-то закрутилось...

В груди что-то сжалось. Тугой, болезненный узел. Что-то внутри меня кричало: "Встань и уйди. Прямо сейчас. Не слушай."

— Сообщить что? — голос звучал удивительно ровно, но пальцы сжались на ремешке сумки так сильно, что побелели костяшки.

Дженна улыбнулась, сжала его руку.

Он улыбнулся в ответ. Тепло в его взгляде, который он обратил на подругу, заставило сердце остановиться всего на секунду. Я заставила себя улыбнуться, чувствуя, как деревянные мышцы лица едва слушаются.

— Мы с Дженной встречаемся.

Я видела их лица, их выражение — в них было ожидание, радость, предвкушение. Они ждали моей реакции.

Ждали, что я тоже буду счастлива. Но мне вдруг стало нечем дышать. Мир сузился, сжался, сложился в крошечную точку. И в этой точке билось одно-единственное слово: "мы". Это "мы" было худшим, что я могла услышать. Оно стирало всё. Воздух жёг лёгкие.

Но каким-то чудом я сумела выдавить улыбку. И сказать: — Ого.

На следующее утро я долго разглядывала своё отражение в зеркале. Тёмные круги под глазами, припухшие веки — следы ночи, наполненной мыслями, от которых невозможно было сбежать. Бессонница, слёзы, безжалостный хоровод слов в голове: «Мы встречаемся. Мы встречаемся».

Я водила кисточкой с консилером, словно стирая не просто следы усталости, а саму боль. «Слёзы ещё никого не де-

лали красивее», — напомнила я себе, пытаясь придать лицу хоть какое-то подобие спокойствия.

Офис встретил меня приглушённым гулом голосов и запахом свежесваренного кофе. Мой испытательный срок только начался, и я не могла позволить себе рассыпаться сейчас. «Vivid Visuals» — это мой шанс, и я собиралась вцепиться в него обеими руками.

День тянулся мучительно долго. Всё валилось из рук — то бумаги осыпались на пол, то кофе плескалось слишком близко к клавиатуре. Я чувствовала на себе взгляды — оценивающие, холодные. Начальство уже, наверное, задавалось вопросом, не совершили ли они ошибку, взяв меня на испытательный срок.

Но я не могла позволить им усомниться.

Когда руководитель отдела вскользь упомянул, что им нужно подобрать референсы для новой рекламной кампании спортивного бренда, я вызвалась первой. Никто не просил. Это была чистая инициатива — отчаянная попытка доказать, что я чего-то стою, даже если внутри всё разваливается на куски.

Я заперлась в своём углу и погрузилась в работу с головой. Просматривала сотни изображений, сравнивала цветовые палитры, искала тот самый визуальный ритм, который заставит зрителя остановиться. На несколько часов я забыла о Мэтте. О Дженне. О вчерашнем вечере. Работа стала моим убежищем, и я отдалась ей полностью.

Когда я положила готовую подборку на стол начальнице, та пробежалась глазами по распечаткам и удивлённо подняла бровь.

— Это ты сама собрала?

— Да. Я подумала, что динамичные ракурсы и контрастные тени лучше передадут энергию бренда, чем стандартные постановочные кадры.

Она помолчала, перелистывая страницы, а затем едва заметно кивнула:

— Неплохо, Белл. Очень неплохо.

Это короткое слово прозвучало громче любых аплодисментов.

К обеду я почти убедила себя, что справляюсь. Почти.

На обед я вышла позже всех, надеясь, что пустая офисная кухня поможет мне прийти в себя. Подставив чашку под кофемашину, я устало прислонилась к холодной столешнице, прикрывая глаза. Мысли снова начали сползаться к вчерашнему вечеру, и я почувствовала, как внутри набухает знакомый комок.

— Тяжёлый день?

Я вздрогнула и обернулась. Передо мной стояла Анна — одна из ведущих дизайнеров, уверенная, сдержанная. Женщина, чьё уважение хотелось заслужить, но чьего взгляда иногда боялись.

— Да, — выдавила я, сжимая чашку.

Она не стала задавать лишних вопросов, просто налила

себе чай и, прежде чем уйти, бросила через плечо:

— Первые дни всегда трудные. Но у тебя есть чутьё — я видела твою подборку. Не дай личным проблемам его похоронить.

Я замерла, глядя ей вслед. Откуда она знает? Впрочем, какая разница. Её слова были не утешением — они были предупреждением. И я собиралась к нему прислушаться.

Я глубоко вдохнула и вернулась за компьютер. Сегодня — это новый день. Даже если внутри всё разрывается, мир не обязан это замечать. Это взрослая жизнь, и пора справляться с проблемами как взрослый человек.

Когда я наконец переступила порог квартиры, усталость обрушилась на меня волной. Я скинула обувь, мечтая только об одном — горячий душ, мягкая постель, тишина.

Но стоило мне сделать пару шагов, как раздался настойчивый звонок телефона.

Я достала его из кармана пальто и, увидев имя на экране, застыла. «Мэттью».

Пятый звонок за вечер.

Каждый нерв в моём теле взвыл. Последнее, чего мне хотелось, — это слышать его голос. Слышать, как он будет говорить о чём-то обыденном, пока я пытаюсь заштопать дыру в груди, через которую сквозит холодом.

Но я знала: если не отвечу, он просто продолжит звонить. Он всегда так делал.

— Да? — голос прозвучал глухо, но ровно, моя маленькая

победа.

— Ну, слава богу! Где тебя черти носят? — раздражённо бросил он.

Я закрыла глаза, подавляя вспышку чего-то острого и горького. Он даже не представляет, через что я прошла за последние сутки. Для него мир остался прежним.

— На работе, — ответила я, стягивая пальто.

— Что ты делаешь завтра?

— Работаю.

Я прошла на кухню и машинально поставила чайник. Есть не хотелось совершенно, но я помнила, что за весь день проглотила только круассан.

— Чёрт! — он выругался, судя по звуку, что-то уронив.

— Когда у тебя выходной?

— Через три дня.

— Отлично. Мы могли бы встретиться. Я заеду за тобой.

Спасибо, пока.

Гудки.

Я медленно убрала телефон от уха и уставилась на погасший экран. Внутри что-то закипало. Даже не спросил, как у меня дела. Даже не поинтересовался, почему я не отвечала на предыдущие звонки. Просто ворвался в мой вечер со своим «отлично» и отключился, уверенный, что я всегда буду в зоне доступа.

Чайник закипел и со щелчком отключился. Я стояла, прильнув к столешнице, и чувствовала, как с таким тру-

дом выстроенная за день броня даёт трещину.

Он позвонил не потому, что волновался. Он позвонил, потому что что-то от меня понадобилось. И от этого осознания было почти так же больно, как от вчерашнего «мы встречаемся».

Я налила кипяток в кружку и смотрела, как чайный пакетик окрашивает воду в тёмный цвет. «Справляться как взрослый человек», — повторила я себе.

Но в эту минуту мне хотелось просто лечь и не вставать.

Странное, раздвоенное чувство окутало меня. Глухой, непонятный комок в груди. Я раздражённо бросила телефон на стол.

Мэтт вёл себя так, будто ничего не изменилось. Будто в моей жизни не случилось того вечера. Тех слов.

Но изменилось, но изменилось всё.

Три долгих дня тянулись, как вязкая патока. Я цеплялась за работу, за привычные действия, за любые мысли, лишь бы не думать о предстоящей встрече. Но стоило мне увидеть его машину у подъезда, как вся тщательно выстроенная защита дала трещину.

— Если бы я знала, что ради этой встречи мне придётся вставать так рано в свой единственный выходной, — пробормотала я, хлопнув дверцей.

— Ты не спросила, — беззаботно ответил он, даже не взглянув на меня.

Я скрестила руки на груди и отвернулась к окну, наблю-

дая, как за стеклом проплывают сонные улицы.

Внутри бушевала буря. Слишком много эмоций, слишком много несказанных слов. Я не знала, чего ожидать, но точно не того, что он привезёт меня... на цветочный рынок.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он, припарковавшись у входа.

Я нахмурилась.

— Помощь?

Мэтт на секунду замялся, словно собираясь с духом.

— Понимаешь... — он отвёл взгляд. — Мы с Дженной вместе уже почти четыре месяца.

Я моргнула.

«Четыре? А мне сообщили только недавно? Прекрасно. Просто прекрасно. Интересно, на свадьбу меня тоже пригласят постфактум — открыткой с голубками?»

— Но я до сих пор не до конца разобрался в её вкусах, — продолжил он. — Ты могла бы мне помочь?

Я стояла как вкопанная, ощущая, как внутри что-то медленно рушится.

— Помочь? — собственный голос прозвучал глухо, словно со стороны. — Хочешь, чтобы я помогла тебе выбрать романтический жест для твоей девушки?

— Ну да... — он почесал затылок, хмыкнув. — Хочу сделать ей что-то приятное. Романтика, все эти девчачьи штучки... Это не мой конёк. А у меня на неё серьёзные намерения.

Последняя фраза ударила сильнее, чем всё остальное.
«Серьёзные намерения».

Последний гвоздь в крышку моего глупого, наивного сердца.

Я заставила себя улыбнуться, хотя мышцы лица словно онемели.

— Конечно. Чем я могу помочь лучшему другу, как не организацией свидания с его девушкой? — в моём голосе проскользнула едва уловимая ирония, но он, разумеется, ничего не заметил.

Мэтт улыбнулся, широко и беспечно, и первым двинулся вперёд, разглядывая ряды с цветами.

«Браво, Кейт. Смотреть, как мужчина, которого ты любишь, выбирает цветы для другой, — особая форма самоистязания. В следующей жизни стану мазохисткой — хотя бы будет оправдание».

Минут через тридцать я начала всерьёз жалеть, что согласилась.

— Нет, — пробормотала я, останавливаясь у очередного лотка. — У неё аллергия на цветы.

Мэтт резко повернулся ко мне, нахмутив брови.

— С каких пор?

— С рождения. — подняла бровь.

— Тогда какого чёрта мы здесь делаем?

Я скрестила руки на груди.

— Ты сам меня сюда привёз. Даже не спросив.

Он стиснул челюсть, потирая виски.

— Так... на «все» цветы?

— На пыльцу.

Он выругался сквозь зубы.

— Ну вот и всё. План летит к чертям.

Я приподняла бровь.

— У тебя был план?

— Да. Хотел завалить её квартиру цветами.

«Как романтично. Вызвать у девушки приступ аллергии. Уверена, она запомнит это навсегда — особенно эпинефрин в бедро».

— Тогда своди её в кино.

— Банально.

— Скупи все билеты. Будете там вдвоём.

— Не то.

— Украшения?

— У неё их полно.

— Романтический ужин?

— Этих ужинов ещё будет много. Нужно что-то особенное. Что-то, что она запомнит навсегда.

«Да, конечно. Что-нибудь, о чём потом расскажете своим внукам. А я буду той самой старой тётёй Кейт, которая однажды помогла дедушке выбрать... что? Гольф клуб?»

Я чувствовала, как моё терпение иссякает, и вместе с ним росло едкое, горькое веселье. Это был не смех — это был защитный механизм, последняя линия обороны перед тем,

как я просто разревусь посреди цветочных рядов.

— Свози её к океану.

«И оставайтесь там как можно дольше».

— Она была там в прошлом месяце. Забыла?

— Ну тогда... — я скривилась. — Купи ей яхту.

Я надеялась, что мои советы покажутся ему настолько идиотскими, что он махнёт рукой и «решит справиться сам».

Но он вдруг замер.

Я заметила, как изменилось его выражение. Как взгляд метнулся куда-то в сторону, стал отстранённым, словно он посмотрел сквозь меня и увидел что-то — или кого-то — совсем другого.

— Нет, — сказал он задумчиво. — Она не оценит... не так, как...

Он осёкся.

Тишина зависла между нами, тяжёлая, словно воздух перед грозой.

А потом он медленно, будто против воли, повернул голову и посмотрел на меня. И в этом взгляде было что-то такое, от чего моя ирония рассыпалась в пыль, оставив только голую, незащищённую боль. Он смотрел на меня — и видел. Видел ту, которой не пришлось бы заваливать квартиру цветами. Ту, которая оценила бы что угодно, лишь бы это было от него.

— Не так, как «я»? — спросила я тихо.

Слова упали между нами, как приговор.

Он побледнел. Заметался взглядом, открыл рот, но не издал ни звука. Молчание было красноречивее любого признания.

— Кейт, нет, я не...

Но я уже развернулась.

Шаг.

Второй.

Третий.

А потом — быстрее, прочь, сквозь толпу, прочь от этого рынка, от него, от слов, от всего.

— Кейт, подожди! Дай мне объяснить!

Объяснить?

Поздно.

Рынок был большим, я воспользовалась этим. Завернула за угол, нырнула в густую зелень горшечных растений, прижалась спиной к холодной керамике.

Спустя минуту Мэтт пробежал мимо, не заметив меня.

Я стиснула зубы, глядя ему вслед, и почувствовала, как к горлу подступает смех — истерический, горький, совершенно неуместный.

«Поздравляю, Кейт. Ты только что получила подтверждение того, о чём всегда догадывалась. Мы всё же из разных кругов».

Смех так и не вырвался наружу. Вместо него пришли слёзы — беззвучные, злые, обжигающие.

Я вытерла их ладонью и глубоко вздохнула.

«Ты не должен был этого говорить».

«Ты даже не представляешь, как сильно ты меня ранил».

2 глава

Следующую неделю я избегала Мэтта. Не брала трубку, не отвечала на сообщения. Единственное, что меня спасало — он не приходил на работу. Видимо, у него всё же оставались границы.

Я стояла посреди своей крошечной квартиры, окружённая десятками роз, и чувствовала... раздражение.

Никогда бы не подумала, что цветы от него вызовут именно это чувство.

Я медленно подошла к ближайшему букету, провела пальцами по мягким лепесткам.

Какой красивый жест. И какой пустой.

Запах цветов наполнял комнату — густой, приторный, слишком насыщенный. Он лип к коже, впитывался в воздух, но внутри... внутри было только обидо.

Я снова и снова прокручивала его слова в голове, пока мысли не превратились в мучительный гул, а виски не сдавило тупой болью.

Мне нужно было время. Время без него.

Перед выходными позвонила Дженна.

— Давай выпьем кофе? — её голос звучал легко, беззаботно.

Я закрыла глаза, прислонившись лбом к холодному стеклу. «Видимо, он ничего ей не рассказал».

— Конечно, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Может, чашка кофе и разговор о чём-то другом — именно то, что мне сейчас нужно.

Когда Дженна села напротив меня, сияя радостью, мне сразу же захотелось встать и уйти.

«Это грубо, и они не виноваты в том, что ты трусиха», — сказала я себе, стиснув зубы.

Кафе было почти пустым. Деревянные столики, аромат свежемолотого кофе, мягкий свет ламп. В воздухе висел едва уловимый запах ванили и корицы, но мне всё казалось «безвкусным».

Дженна говорила без умолку, перескакивая с темы на тему, словно спешила выговорить всё до захода солнца.

Я изо всех сил старалась следить за её мыслью, хотя в голове гудело от собственных тревог. И всё же я была благодарна ей. Мне нужен был любой повод не думать о нём.

Я даже позволила себе немного расслабиться, пока она вдруг не полезла в свою сумочку «Birkin» и не достала оттуда...

Тест на беременность.

Я замерла.

В первое мгновение мой разум просто отказался обрабатывать увиденное. Две полоски. Крошечный кусок пластика, который переворачивал всё с ног на голову. Дженна беременна. От Мэтта. От человека, которого я любила столько

лет, что это стало частью моей ДНК.

Я почувствовала, как внутри что-то дёрнулось — острое, тёмное, стыдное. Не просто укол ревности, а настоящая, глубокая рана. Это могла бы быть я. Если бы я не была «не из их круга». Если бы я родилась с правильной фамилией и трастовым фондом. Если бы мне не приходилось каждый день доказывать, что я имею право просто существовать в этом мире.

Иногда — и я ненавидела себя за эти мысли — мне казалось, что было бы неплохо родиться в богатой семье. Там, где будущее — это не бесконечная череда резюме, отказов и молитв о том, чтобы денег хватило до конца месяца. Где не нужно прогрызать себе путь в одиночку, стиснув зубы и делая вид, что ты не устала. Дженна никогда не знала этого страха — страха, что один неверный шаг, и всё рухнет. Её мир был мягким, устланным связями и гарантиями.

Но я тут же заставила себя остановиться. Дженна не была виновата в том, в какой семье родилась. Она жила как умела — как мы все. Она никогда не кичилась своим богатством, никогда не смотрела на меня свысока. Она была моей подругой. Лучшей подругой. И она не заслужила той тёмной, горькой волны, что на мгновение поднялась во мне.

Я посмотрела на неё — и увидела не богатую наследницу, а испуганную девушку, которая держала в руках доказательство того, что её жизнь вот-вот изменится навсегда.

— Сделала его сегодня утром, — сказала она тихо, и её

радость куда-то улетучилась.

Я уставилась на полоски на тесте, а потом на её лицо. Дженна выглядела испуганной.

«Они сведут меня с ума».

Я знала, почему она не улыбается. Она не была к этому готова. В колледже Дженна сотни раз повторяла, что не планирует становиться матерью до тридцати. У неё были планы — большие, грандиозные.

— Но я не уверена, — выдохнула она. — Тест старый, валялся в ванной. Может, он врёт.

Я посмотрела на неё и вдруг поняла — не важно, насколько стар этот тест. Она уже знает ответ.

— Сходи в больницу, убедись. И всё встанет на свои места.

— Да, так и сделаю, — кивнула она, быстро бросая тест обратно в сумку, будто хотела поскорее забыть о его существовании.

— Как дела на работе? Уже дали свой проект?

Я едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

Дженна всегда жила в мире, где важные вещи появлялись «сами собой» — как подарки на Рождество.

А у обычных смертных, вроде меня, шанс получить свой проект выпадет не раньше, чем через год... а то и два.

Мне придётся упорно работать. Доказывать, что я достойна, и надеяться, что однажды кто-то это заметит.

— Не расстраивайся, — ободряюще сказала она. — Всё

получится, просто нужно немного терпения.

Я смотрела на неё и думала...

Осознаёт ли она хоть немного, что её собственный успех был далеко не случайностью? Что её проект — это не награда за заслуги, а ещё один подарок, аккуратно положенный ей в руки?

Я не собиралась ей этого говорить.

В конце концов, это даже трогательно — пусть странным, но всё же по-своему заботливым образом её отец оберегает её. Она никогда не сталкивалась с внешним миром без поддержки семьи, и в этом была не её вина, а лишь данность. Дженна не была избалованной стервой — она была просто человеком, которому повезло иначе, чем мне.

Но, несмотря на её порой наивный взгляд на жизнь, Дженна была лучшей подругой, которую я могла пожелать.

Возможно, даже единственной, кто по-настоящему меня знал.

Мы прошли через многое. Через взлёты и падения, через моменты радости и отчаяния. Были периоды, когда мы не разговаривали неделями, но всегда возвращались друг к другу, словно знали: наша дружба крепче любых размолвок.

И сейчас, глядя, как она закусывает губу, явно переживая о чём-то большем, чем просто результат теста, я чувствовала...

Я чувствовала, что должна быть рядом.

Независимо от того, что скрывала от неё сама.

Мне потребовалось немало времени, чтобы разобраться в своих чувствах. Я спорила сама с собой, переворачивала в голове каждую деталь, пыталась найти выход. Сомнения терзали меня, отравляли мысли.

Но в конце концов я поняла: глупо рушить то, что мы строили столько лет, из-за обстоятельств, на которые я не могла повлиять. Мэтт сделал свой выбор. Дженна — свой. И я не имела права наказывать их за собственную невысказанную любовь. Они не знали. А значит, не были виноваты.

Это осознание пришло неожиданно — и, будто смыв сомнения, оставило чистый, ясный ответ.

Я должна идти дальше.

Будет тяжело. Каждый раз, видя их вместе, я, наверное, ещё долго буду чувствовать тупую боль где-то под рёбрами. Но с чего-то нужно начать. Нельзя вечно стоять на пепелище, делая вид, что это ещё дом.

Я взяла телефон и позвонила Мэтту.

— Прости меня. — голос дрогнул, но я продолжила: — Я вела себя глупо. По-детски.

— Нет, Кейт, это мне нужно извиниться. — он перебил меня, и в его голосе была искренность. — Я повёл себя как идиот. Ты не должна была через это проходить.

Я сжала телефон в ладони. Может быть, этого было достаточно. Может быть, «прости» от него — это всё, что я могла получить. И, впервые за долгое время, я почувствовала, что

этого почти хватает.

Позже раздался звонок в дверь. На пороге стоял курьер с букетом — роскошным, тёплым, будто наполненным самым солнцем. Никаких извинений в записке, только одно слово: «Спасибо».

Я смотрела на цветы, и вдруг улыбка сама собой тронула мои губы.

Стоило принять ситуацию, и словно камень с души свалился. Дни стали светлее. Воздух свежее. Я снова ощущала вкус утра, аромат кофе, музыку в наушниках по дороге на работу.

Я стояла у кофемашины в офисной кухне, рассеянно помешивая сахар в чашке, когда услышала голос Анны.

— Ты так счастлива, потому что тебе выпала честь работать с самым Марком Аддамсом?

Я моргнула.

— Что?

Анна скрестила руки на груди, внимательно глядя на меня.

— Аддамс. Совещание.

Я замерла. Воспоминания нахлынули резким потоком. Тот день, та встреча — она была на следующий день после ссоры с Мэттом. Я едва держала себя в руках тогда, и теперь... Как я могла упустить это?

Аддамс — не просто дизайнер. Он легенда. Человек, который сам выбирает, с кем работать. Чьи рекламные кампании

становятся культовыми, чьи идеи вдохновляют целую индустрию.

— Он согласился взять наш проект, — терпеливо пояснила Анна. — И у новичков будет шанс не только понаблюдать, но, возможно, и поработать с ним.

«Согласился»?

Моё сердце ускорило ритм. Работать с Аддамсом... Это шанс. Настоящий. Один на миллион.

И тут меня накрыло — уже не тихой надеждой, а настоящим, почти детским восторгом. Я — вчерашняя выпускница, которая неделю назад не могла перестать плакать над разбитым сердцем, — смогу стоять в одной комнате с человеком, формирующим индустрию. Даже просто наблюдать за его работой, просто видеть, как он думает, как принимает решения — это уже было немыслимой удачей. Как будто судьба, до этого лишь отбиравшая, вдруг положила мне в ладони что-то ценное.

— Слушай, Кейт, — добавила Анна, смягчив тон. — Ты мне нравишься. Но не позволяй личной жизни мешать работе. Иначе ты никогда не добьёшься успеха.

Я кивнула, чувствуя, как внутри разгорается холодное, чистое пламя решимости. Она была права. Это не просто шанс — это мой якорь. То, за что я могу держаться, пока личная жизнь залечивает раны.

— Мне предстоит работать с Аддамсом, представляешь?

— выпалила я Дженне, едва удерживаясь, чтобы не подпрыгнуть на стуле.

— Ничего себе... — протянула она, округлив глаза.

Мэтт нахмурился, явно не понимая, о ком идёт речь.

— Самый известный дизайнер в рекламе, — пояснила Дженна, подавшись вперёд, словно раскрывала заговор. — Всё, за что он берётся, продаётся на сто процентов. Компании выстраиваются в очередь, но он работает только с теми, кто его действительно заинтересует. А Кейт будет с ним в одной команде!

— Не в одной команде, — поправила я, хотя улыбка расплзалась сама собой. — Просто дали шанс понаблюдать. Но этого уже достаточно! Дженна, ты не понимаешь — я читала о нём в каждом профильном журнале. Его называют гением. Человек, который переизобрёл рекламу. Я помню его фото в Forbes — он стоял на фоне небоскрёба, такой... — я замялась, подбирая слово, — неприступный. И вот теперь я увижу его вживую.

— Сестра Джессики когда-то встречалась с ним, — встала Дженна, наклоняясь ещё ближе. — Говорит, он чертовски красив. Итальянские корни, всё такое...

Я усмехнулась, но внутри что-то ёкнуло. Красив — это мягко сказано. На тех глянцевах разворотах он выглядел так, будто сошёл с полотна эпохи Возрождения: резкие скулы, тёмные глаза с тяжёлыми веками, лёгкая небритость, которая у любого другого выглядела бы неопрятно, а у него —

как продуманный художественный приём. Я столько раз разглядывала те снимки, что могла бы нарисовать его портрет по памяти.

Но это не имело значения. Работа с Аддамсом — это испытание, а не романтическая комедия. Я не могла позволить эмоциям отвлечь меня.

— Да, но главное — не его внешность, а талант, — сказала я, скорее для себя, чем для них.

Мэтт, казалось, хотел что-то сказать, но передумал, сжав губы.

— Ну, ты, конечно, молодец, — наконец произнёс он, но в голосе сквозило что-то странное.

Я не придавала этому значения. Завтра — день, который мог изменить всё.

Мы сидели, затаив дыхание, ловя каждое слово Аддамса. В воздухе витало напряжение, словно мы присутствовали не на рабочем собрании, а на выступлении звезды мирового уровня. Не хватало лишь вспышек камер и жадных до сенсаций репортёров.

Он говорил уверенно. Разбирал тренды, делился мыслями о будущем индустрии. Но главное — он понимал клиента. Реклама для него была не просто визуалом. Она была психологией. Искусством влияния. Манипуляцией восприятием.

Как учиться у лучшего? Слушать. Впитывать каждое слово. И не упустить ни одной детали.

И всё же я не могла не отметить про себя: он выглядел

именно так, как на тех журнальных разворотах. Даже лучше. Фотографы улавливали его харизму, но не могли передать присутствия — той гравитации, которая возникает, когда такой человек входит в комнату. Резкие скулы, выразительные глаза, чуть небрежная, но идеальная укладка волос — всё было знакомо до мельчайших деталей. Я будто шагнула внутрь статьи, которую когда-то читала, лёжа на диване в общежитии.

Харизма была почти осязаемой. Уверенность в себе — заразительной. Женская часть зала смотрела на него с восхищением, едва сдерживая вздохи. И, судя по лёгкой улыбке на его лице, он прекрасно знал, какое впечатление производит.

3 глава

— Отгадай что? — я улыбалась, глядя на экран телефона.

Дженна и Мэтт были в Монте-Карло, праздновали день рождения его двоюродного брата. Им там так понравилось, что они решили задержаться ещё на неделю.

— Что? — нетерпеливо спросила Дженна, пододвигаясь ближе к камере. — Не томи.

— Меня взяли в команду к Аддамсу.

Дженна завизжала так громко, что её восторг, казалось, разнёсся по всему отелю. Я невольно рассмеялась, чувствуя, как внутри распускается что-то тёплое. Она радовалась за меня — искренне, без тени зависти. Вот она, та часть её, которую я не могла потерять. Моё финансовое положение никогда не имело для неё значения. Я была ей подругой, несмотря ни на что.

— О господи! — донёсся голос Мэтта издалека, затем хлопнула дверь. — Тебя слышно даже в холле! Что случилось?

— Кейт взяли в команду к Аддамсу, — выдохнула Дженна.

Мэтт появился в кадре, на ходу застёгивая рубашку.

— А, — без особого энтузиазма протянул он. — Это. Ну, поздравляю.

Я ожидала от него чуть большей реакции, но, похоже, на-

прасно. Впрочем, сейчас это не могло испортить мне настроение. Меня взяли. Еще неделю назад я рыдала в подушку. А сегодня уже в команде у человека, чьи работы перевернули индустрию.

— Ну как? — Дженна прикусила губу, её глаза загорелись азартом. — Джессика была права? Он горяч?

— Эй! — возмутился Мэтт. — Я всё ещё здесь.

Я рассмеялась, но затем, встретившись взглядом с Дженной, коротко кивнула. Горяч — не то слово.

Я бы могла сказать ей это. Сказать, что он не просто горяч, а настолько горяч, что можно обжечься. Что когда он смотрит на тебя — пусть даже мельком, оценивающе, — на секунду забываешь, как дышать. Что от его голоса, низкого и чуть насмешливого, по спине бегут мурашки, которые совершенно не вписываются в профессиональную этику.

День начался неудачно. Я опаздывала.

Как только я вышла из дома, небо разверзлось, и дождь обрушился с такой силой, словно природа решила отыгаться на мне за все мои недавние решения. Зонт остался в прихожей — разумеется. Выбор был прост: либо ждать, пока стихия смилостивится, либо бежать под ливнем.

Я выбрала второе. И теперь расплачивалась за это.

Когда я наконец ворвалась в офис, запыхавшись и промокнув до нитки, мои волосы прилипли к щекам, а тонкая ткань блузки облепила тело, подчёркивая каждый изгиб так,

словно я надела её на голое тело. Холод от мокрой одежды пробирал до костей, заставляя мышцы дрожать, но куда сильнее било по нервам осознание: я опоздала. В свой первый день в команде Аддамса.

В конференц-зале уже шло обсуждение. Когда я толкнула дверь, разговоры стихли — сначала на мгновение, а потом словно смазались в один приглушённый гул. Десятки глаз уставились на меня. Но один взгляд прожигал сильнее остальных.

— Как мило, что вы наконец к нам присоединились, — голос Аддамса был ровным, но в нём звенела едва уловимая насмешка.

Кто-то тихо хихикнул. Я почувствовала, как краска заливает лицо, но заставила себя выпрямиться и не скрещивать руки на груди, хотя инстинкт кричал именно об этом — закрыться, спрятаться, стать невидимкой.

— Простите, я попала под ливень... — голос прозвучал глухо, почти как оправдание.

— Действительно? — его бровь чуть приподнялась, а взгляд медленно скользнул по моей мокрой одежде. — А мы уж подумали, что это новый тренд.

Гул смеха прокатился по комнате. Я сжала губы, не позволяя себе ответить. Что бы я ни сказала — он уже выиграл. Но когда я проскользнула на свободное место у стены, стараясь занимать как можно меньше пространства, мне показалось — или это было на самом деле? — что уголок его губ дрог-

нул в едва заметной, почти неуловимой усмешке. Не злой. Скорее... заинтересованной. И от этого стало ещё хуже.

— Хорошо, продолжим, — ровным голосом произнёс Аддамс, и обсуждение возобновилось.

Я пыталась сосредоточиться. Честно пыталась. Но ощущение мокрой ткани на коже, тяжёлых прядей на плечах и пристальных взглядов не давало покоя. Аддамс время от времени бросал на меня мимолётные взгляды — то оценивающие, как на неудачный макет, то требовательные, словно ждал, что я наконец вставлю слово, а иногда... слишком внимательные. Я не могла понять, проверяет ли он меня на прочность или просто насмехается. Или — и от этой мысли внутри всё сжималось — видит во мне не только опоздавшего стажёра, но и женщину в мокрой одежде.

— Слышала, что вы не только работаете с рекламой, но и даже возглавляли съёмки для Coca-Cola. Это правда? — с восхищением спросила Роза, сидящая через два стула от меня.

— Был такой опыт, — коротко кивнул Аддамс, одарив её лёгкой улыбкой.

Вокруг него люди буквально расцветали от внимания. Я же продолжала смотреть на макет, чувствуя себя мокрым пятном на общем фоне.

Я даже не заметила, как совещание подошло к концу. Коллеги вставали, собирали бумаги, переговаривались вполголоса. Я тоже схватила блокнот и направилась к выходу —

быстрее, скорее в туалет, привести себя в порядок, — но вдруг услышала позади:

— Мисс Белл, останьтесь на минуту.

Я замерла. Сердце на секунду остановилось, а затем по-неслось вскачь. Медленно повернувшись, я увидела, что Аддамс стоит в расслабленной позе у окна, но его взгляд был цепким, сосредоточенным — совсем не расслабленным.

— Впредь, надеюсь, вы не будете опаздывать, — его голос звучал спокойно, но мне чудился в нём скрытый упрёк.

— Такого больше не повторится, — ответила я, не смея поднять глаза.

Аддамс шагнул ближе. Воздух между нами словно уплотнился, стал горячее. Я почувствовала, как перехватывает дыхание.

— И ещё... в будущем будьте активнее на совещаниях, — его голос стал чуть мягче, но по-прежнему требовательным. — Не стесняйтесь высказывать своё мнение. Даже если оно не совпадает с моим.

Я сглотнула. Он смотрел слишком внимательно. Казалось, ещё секунда — и я просто потеряю дар речи.

Его взгляд медленно скользнул вниз — по моему лицу, к влажным прядям, прилипшим к шее, а затем... чуть ниже. На одно короткое, почти неуловимое мгновение. Я вздрогнула — не столько от его взгляда, сколько от собственной реакции на него. По коже, всё ещё холодной от дождя, вдруг пробежала волна жара.

В тот же миг он моргнул, словно поймал себя на чём-то запретном.

— Идите, приведите себя в порядок, мисс Белл, — его голос вернулся к холодной отстранённости, но поздно. Я уже заметила.

Я не заставила себя ждать. Развернувшись, я буквально вылетела из комнаты, чувствуя, как отголоски его взгляда обжигают спину.

Аддамс всё утро был сосредоточенно молчалив, переходя из одного офиса в другой. Он внимательно наблюдал за работой подчинённых, раздавал поручения — и каждый раз после его ухода в комнате оставалась напряжённая тишина, а кто-то невольно хмурился, пробегая взглядом по своим записям. Я прислушивалась. Вспоминала его холодный взгляд, методичные движения, непроницаемое выражение лица. Он проверяет нас. Готовит испытание.

Я ожидала, что задание окажется непростым, но...

— Мисс Белл, — голос, как всегда, ровный и деловой, оторвал меня от мыслей. Аддамс не поднял глаз от записей. — Вам нужно разработать концепцию рекламной кампании для нового парфюма.

Я чуть сдвинулась в кресле, мгновенно переключившись в рабочий режим.

— Какие вводные? Бриф? Описание продукта? Целевая аудитория уже определена?

Адамс поднял голову и задержал на мне взгляд. В его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение — за то, что я задала правильные вопросы.

— Целевая аудитория: женщины двадцати пяти — сорока лет, с доходом выше среднего, ценящие эксклюзивность. Название аромата и ключевое послание, вокруг которого будет строиться кампания, — «Искушение». Визуальный стиль, "интонация", сюжет ролика — на ваше усмотрение. Бюджет не ограничен, но это не значит, что я приму первое, что вы предложите.

Я медленно кивнула, переваривая информацию. Это не просто тест на креативность. Это вызов. Он дал мне достаточно, чтобы от чего-то оттолкнуться, но при этом почти ничего конкретного.

— Срок? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Два дня. Презентация — в четверг, в десять утра.

Я вышла из его кабинета с чувством, что только что получила и шанс, и приговор одновременно. Два дня на концепцию с нуля. Без брендбука, без готового продукта на руках — только слово, которое могло означать что угодно. Он проверял не мои навыки. Он проверял моё мышление.

В офисе жужжали голоса, стучали клавиши ноутбуков, кто-то смеялся в дальней части помещения, обсуждая новый проект. Я же словно выпадала из реальности, уходя в одно-единственное слово. «Искушение».

Я раскрыла чистый блокнот и записала по центру: «Искушение — это...» А дальше пошёл поток. Запретное? Манящее? Ощущение роскоши на коже? Взгляд, от которого перехватывает дыхание? Я перечёркивала, переписывала, искала суть. Ручка чертила сумбурные заметки, линии и слова. Я схватила папку с референсами, начала листать старые кампании конкурентов. Dior — слишком холодно. Chanel — слишком классика. Gucci — смело, но не хватает интимности. Искушение должно быть личным, почти осязаемым.

Глубоко вдохнув, я закрыла глаза. Перед мысленным взором возник силуэт женщины. Смелой. Уверенной. Опасной. Та, что входит в комнату — и воздух становится гуще. Не агрессивная сексуальность, а тихая власть, от которой невозможно отвести взгляд. Она не зовёт — она притягивает. Искушение не в том, что она показывает, а в том, что оставляет скрытым.

Образ вспыхнул ярко, ослепительно, и я торопливо принялась записывать. Я набросала три варианта визуального решения. Первый — чёрно-белая серия: женщина в мужском пиджаке, накинутом на голое тело, резкие тени. Второй — замедленная съёмка шёлка, скользящего по коже, макро-съёмка текстуры. Третий — минималистичный ролик, где единственный цветовой акцент — красные губы.

Часы пролетели незаметно. Я не замечала ничего вокруг. Кто-то поставил рядом чашку кофе — она остыла, так и оставшись нетронутой. Когда, наконец, передо мной сложи-

лась цельная картина, сердце отбивало быстрый ритм. Это было дерзко. Это было свежо. Это могло сработать.

Я сжимала в руках папку с эскизами и заметками, направляясь к кабинету Аддамса. Внутри всё сжалось от тревоги, но я заставила себя выпрямить спину. Я проделала огромную работу. Теперь главное — продать её.

Я постучала.

— Войдите, — раздалось приглушённо.

Кабинет утопал в полумраке. Лампы под стеклянными абажурами отбрасывали мягкие блики на массивный стол. Аддамс сидел, перелистывая документы.

— Мисс Белл, — он жестом указал на стул. — Вы принесли мне что-то стоящее?

Его голос всегда заставлял сомневаться в себе, но я не дала этому взять верх. Я положила папку на стол.

— «Искушение» — это не просто аромат. Это момент, когда ты ощущаешь силу, желание, игру. Когда ты заходишь в комнату и не говоришь ни слова, но все взгляды уже прикованы к тебе. Моя идея — уйти от прямолинейной сексуальности, которую эксплуатируют большинство люксовых брендов, и сосредоточиться на психологии. Искушение — это то, что происходит в голове у того, кто смотрит, а не у той, на кого смотрят.

Я разложила эскизы. Первый лист — общий мудборд: приглушённые тона, текстура натурального шёлка, макро-съемка кожи, архитектурные линии. Второй — раскадровка

ролика: открывающий кадр — женщина спиной к зрителю, она медленно поворачивает голову, но лицо остаётся в тени, видна только линия ключиц и запястье с единственной каплей духов. Третий — варианты слоганов.

— Идея ролика: замедленные кадры, шелест ткани, взгляд, который зритель не видит, но чувствует. Минимум слов. Визуальный ряд должен создавать ощущение, будто ты подсматриваешь за чем-то глубоко личным, почти запретным.

Аддамс молчал, листая страницы. Его лицо оставалось непроницаемым. Пауза затягивалась.

— Вы предлагаете строить кампанию на том, чего зритель не видит, — наконец произнёс он. — Рискованно.

— Рискованно — показывать всё и не оставлять пространства для воображения, — возразила я. — Искушение работает именно через недосказанность. Если мы покажем слишком много, это станет просто рекламой ещё одного парфюма, а не историей, которую хочется прожить.

Он поднял голову и задержал на мне взгляд.

— Вы уверены, что наша целевая аудитория поймёт этот посыл? Женщины, которые покупают люкс, хотят видеть роскошь. Ваша концепция — минимализм. Нет ли здесь противоречия?

— Роскошь не всегда в деталях, — ответила я, чувствуя, как внутри просыпается азарт. — Иногда она в тишине, которую боишься нарушить. В воздухе, который становится гу-

ще. Я предлагаю продавать не духи, а власть. Женщина, которая пользуется этим ароматом, не кричит о себе — она просто входит, и мир замирает.

Аддамс откинулся в кресле. Несколько секунд он просто смотрел на меня — оценивающе, без тени насмешки. А затем уголок его губ дрогнул.

— Интересно, — произнёс он медленно. — Это лучше, чем я ожидал.

Грудь заполнило тепло, но я заставила себя не улыбаться.

— Однако... — он постучал пальцем по эскизу с раскадровкой. — Первый кадр слабый. Женщина спиной — клише. Найдите более сильный образ. И концовка должна быть не просто красивой, а запоминающейся. Мне нужно, чтобы зритель выдохнул в финале.

Я быстро записала его замечания. Он не ругал, но и не хвалил — он давал конкретные указания, как превратить хорошую идею в выдающуюся.

— Что насчёт аромата? — спросил он, не дав мне паузы. — Как вы опишете его, если мы не можем использовать запах в визуальной рекламе?

— Через текстуру и цвет. Я бы использовала приглушённый золотой — не кричащий, а тёплый, почти тактильный. И работу со светом: он должен падать так, словно проходит сквозь дорогой коньяк. Вкус и запах можно передать через ассоциации — стекло, нагретое солнцем, шёлк, скользящий по коже, дыхание, застывшее в миллиметре от запястья.

Он снова замолчал. Я чувствовала, как сердце колотится где-то в горле, но заставляла себя сидеть ровно.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Это уже теплее. Но я жду от вас не просто идей. Я жду решения. Пока что вы предлагаете красивые картинки. Превратите их в концепцию, которая продаст продукт. Вы можете лучше. У вас есть ещё день.

— Я переделаю, — сказала я, вставая.

Забрав эскизы, я вышла из кабинета с горящими щеками и ощущением, что меня только что одновременно и похвалили, и отчитали. «Это явно талант: и похвалить, и бездарностью назвать в одном предложении», — мелькнула горькая мысль.

Но я не собиралась сдаваться. Он ждал от меня большего — и я ему это дам.

Офис уже опустел, но я всё ещё сидела за столом, окружённая листами бумаги, эскизами, заметками, остывшим кофе. Глаза слезились от усталости, но я перечитывала и перечитывала пометки Аддамса. «Вы можете лучше». Слова гудели в голове, подталкивая к тому, чтобы выжать из себя максимум. Я не могла остановиться. Не имела права на провал. Этот проект был моим первым настоящим шансом — и я собиралась использовать его до последней капли.

Я настолько глубоко погрузилась в процесс, что не сразу заметила, как кто-то остановился рядом. Только когда воздух дрогнул — едва уловимо, словно само пространство пе-

рестроилось вокруг чужого присутствия, — я поняла, что больше не одна.

— Вы собираетесь ночевать здесь?

Я вздрогнула и резко подняла голову.

Аддамс.

Он стоял напротив, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки. Лёгкий полумрак опустевшего офиса смягчал резкость его черт, делая его почти... человечным. Взгляд оставался таким же пронизательным, но в нём не было привычного холода — только лёгкое удивление и что-то ещё, едва уловимое.

— Уже поздно, — заметил он, скользнув взглядом по заваленному бумагами столу, по остывшему кофе, по моим покрасневшим от усталости глазам.

Я машинально посмотрела на часы и поражённо выдохнула. Полночь. Последний раз я смотрела на них около восьми.

— Я... просто хотела всё доработать, — пробормотала, торопливо собирая листы в аккуратную стопку. Движения были дёргаными, неловкими — я вдруг остро осознала, как выгляжу со стороны. Растрёпанная, уставшая, одна в пустом офисе.

Он молчал, словно размышляя о чём-то. Я чувствовала его взгляд — он не давил, но и не отпускал. Затем он кивнул в сторону выхода.

— Я подвезу вас.

Я замерла. Пальцы застыли над клавиатурой.

— Не стоит, я вызову такси...

— Кейт, — перебил он.

Моё имя. Не «мисс Белл». Просто «Кейт». Он произнёс его впервые — тихо, но с той спокойной уверенностью, от которой у меня по позвоночнику пробежал невидимый ток.

— Уже поздно. Пойдёмте.

В его голосе не было просьбы. И не было приказа. Только спокойная уверенность человека, который привык, что его слова не обсуждаются — но не потому, что он давит, а потому, что он прав.

Я сглотнула, медленно кивнула и, закрыв ноутбук, взяла вещи. Пока мы шли к лифту, тишина между нами была почти оглушительной. Я слышала только стук своих каблучков и его шаги — чуть позади, ровные, неторопливые. Внутри нарастало странное, глухое волнение, которому я не могла подобрать названия.

В машине пахло дорогим парфюмом и новой кожей. Тёмный салон, мягкий свет приборной панели, гулкий ритм дождя по стеклу — мир снаружи превратился в размытое полотно из огней и теней. В этом замкнутом пространстве всё стало слишком... интимным. Слишком тихим. Слишком близким.

Аромат его одеколona — древесный, с горьковатой нотой — заполнил салон и смешивался с запахом дождя. Я вдруг поймала себя на мысли, что запоминаю этот запах.

Аддамс вёл плавно, почти бесшумно. Одна рука лежала на

руле — расслабленная, но точная в каждом движении. Между нами висело напряжённое неловкое молчание.

Я украдкой посмотрела на его профиль: чёткие скулы, подсвеченные бликами от приборной панели, напряжённая линия губ, сосредоточенный взгляд. Он смотрел на дорогу, но я чувствовала — он ощущает мой взгляд так же остро, как я ощущаю его присутствие.

Слишком близко и опасно.

Я быстро отвернулась, зацепившись взглядом за размытые огни за окном. «Это просто поездка. Он мой начальник. Так нельзя». Но чем сильнее я убеждала себя, тем отчётливее ощущала жар, растекающийся по телу — от кончиков пальцев до самой груди, где сердце отбивало неровный, сбивчивый ритм.

— Вы всегда так упорно работаете? — его голос разорвал тишину, заставив меня вздрогнуть. Низкий, чуть хрипловатый после долгого дня.

— Если нужно, да, — ответила я, стараясь сохранить ровный тон. Получилось не очень.

Он кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Капли дождя скользили по стеклу, и свет уличных фонарей дробился в них, рассыпаясь золотыми искрами.

— Это хорошо, — сказал он после паузы. — Но... — он сделал паузу, чуть повернув голову ко мне, и уголки его губ дрогнули в слабой тени улыбки. — Постарайтесь не забывать: всегда должна быть грань.

Я не была уверена, говорит он о работе или о чём-то другом.

— Учту, — пробормотала, вцепившись пальцами в ремень безопасности так, словно он был единственным, что удерживало меня в реальности.

Машина мягко остановилась у моего дома. Дождь всё ещё барабанил по крыше — глухо, размеренно.

— Спасибо, что подвезли, — выдохнула я, поспешно нащупывая пряжку ремня.

Но пальцы дрогнули. Пряжка не поддавалась.

Я резко втянула воздух, когда он наклонился ближе.

— Позвольте.

Его пальцы скользнули по моей руке — лёгкое, едва ощутимое касание. Но кожа под ними вспыхнула так, словно он прикоснулся не к запястью, а к оголённому нерву. Я замерла и он тоже.

Ремень щёлкнул.

Аддамс не отстранился сразу. Его лицо оказалось слишком близко — я видела тень от ресниц, лёгкую щетину на скулах, едва заметную пульсацию жилки на шее. Воздух между нами сгустился, стал тягучим, невыносимым.

Я не двигалась. И он не двигался.

Тишина звенела. Я чувствовала его дыхание — тёплое, размеренное, — и собственное сердце, которое колотилось где-то в горле.

— Спокойной ночи, Кейт, — его голос прозвучал тихо,

но обволакивающе. И моё имя в его устах снова прозвучало иначе — как обещание. Или как предупреждение.

Я выскользнула из машины, чувствуя, как дрожат колени. Дождь тут же осел на плечах, но я не замечала его. Всё, что я ощущала — это отголосок его близости, оставленный его пальцами на моей коже, и тишину, которая вдруг стала громче любого крика.

Когда дверь квартиры закрылась за моей спиной, я прислонилась к ней, закрыла глаза и выдохнула — длинно, прерывисто.

«Грань».

Она ещё существовала. И оставался только один вопрос: насколько её ещё хватит.

4 глава

Аддамс заперся в своём кабинете с нашими проектами.

Ожидание тянулось, словно перед казнью. Я сидела за своим столом, гипнотизируя закрытую дверь, и мысленно прокручивала каждый штрих своей концепции, каждое слово на той презентации. Достаточно ли смело? Не слишком ли рискованно? Он сказал «вы можете лучше» — но дал ли он мне шанс это доказать, или просто отложил мой проект в стопку «безнадёжно»?

Эта работа была для меня всем. Не просто строчкой в резюме, не просто зарплатой, которой едва хватало на аренду — она была доказательством. Доказательством того, что я могу. Что я могу сама, без связей, без трастового фонда, без родителей, которые одним звонком решают будущее. Я вцепилась в этот шанс так, словно это был последний поезд, уходящий из города, где меня никто не ждал.

Мы краем глаза следили за дверью, затаив дыхание при каждом шорохе. Но часы шли. Наступил обед, затем вторая половина дня. А он молчал.

Когда дверь наконец открылась, мы замерли. Но Аддамс, словно ничего не случилось, прошёл мимо нас с привычно непроницаемым лицом. Ни малейшего признака недовольства или одобрения. Ни взгляда.

Мы обменялись растерянными взглядами.

«Что, чёрт возьми, происходит?»

На следующий день — то же самое. Ожидание. Полное отсутствие реакции. Я чувствовала, как внутри закипает паника. Если меня уволят сейчас, на испытательном сроке, — это конец. У меня не было подушки безопасности. Только съёмная квартира с истёкшим через месяц договором аренды и счёт в банке, который пугал меня своей скромностью.

В конце концов, Молли не выдержала.

— Что с нашими проектами? — её голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но достаточно уверенно.

Аддамс поднял на неё спокойный, почти ленивый взгляд.

— Всё, что мне нужно было узнать о ваших возможностях и талантах, я уже узнал.

Развернулся и ушёл.

Лёд сковал желудок. Это должно было быть облегчением, но почему-то чувствовалось, словно нас только что сбросили со скалы.

Я сидела за столом, уставившись в монитор, но мысли были далеки от работы. Телефон зазвонил неожиданно резко.

— Алло?

— Кейт, это Дженна.

Я нахмурилась, удивлённо взглянув на экран.

— Дженна? С какого номера ты мне звонишь?

— Забыла мобильный дома. Не хочу возвращаться.

В её голосе сквозило беспокойство.

— Что-то случилось?

— Да. Нам нужно поговорить.

Я бросила взгляд на часы. Рабочий день ещё не закончился, но после фразы Аддамса работа всё равно не шла на ум.

— Тогда приходи после работы. Я буду ждать в нашем месте.

Щелчок отбоя.

Я ещё несколько секунд смотрела на потухший экран, теряясь в догадках. «Они сейчас должны быть в Монте-Карло...» Что-то явно было не так.

Ресторан встретил меня приглушённым светом и тихим гулом разговоров. Я шагнула внутрь, оглядела зал — и внутри неприятно сжалось. Дженна сидела за нашим привычным столиком, едва удерживая бокал.

Она была пьяна.

Я сжала губы, подойдя ближе.

— О, моя дорогая подруга пришла, — Дженна лукаво улыбнулась, но в её голосе звучала хрупкость.

Интонация тягучая, движения замедленные.

Я присела напротив, внимательно разглядывая её.

— Выпьешь со мной? — она неуклюже потянулась за бутылкой.

Я мягко перехватила её руку.

— Нет. Кто-то должен отвезти тебя домой.

Она лениво обвела пальцем край бокала, взгляд рассеянный.

— Что случилось?

Дженна фыркнула.

— Хм!

— Дженна...

Она шумно выдохнула, закатила глаза.

— Они сговорились за моей спиной.

— Кто?

— Родители, — голос её стал тихим, почти детским. —

Они уже вовсю планируют мою свадьбу с Мэттом.

Я застыла.

Свадьба?

Я долго привыкала к тому, что они просто встречаются. Каждый их совместный выход был испытанием, к которому я готовилась заранее. Я убеждала себя, что у меня есть время — хотя бы пара лет, чтобы свыкнуться. Они молоды, у них впереди карьера, путешествия. Я думала, что успею морально подготовиться к тому моменту, когда из «Мэтт и Дженна» они превратятся в «мистер и миссис». Я откладывала эту боль в долгий ящик, как откладывают визит к стоматологу — неприятно, но когда-нибудь потом.

Но это «потом» наступило сейчас. Без предупреждения. Без времени на акклиматизацию.

И хуже всего было то, что в глубине души я всегда знала: так будет. Дженна и Мэтт подходили друг другу. По статусу, по воспитанию, по тому, как их семьи говорили на одном языке. Их родители, разумеется, обо всём договорились. Это был не брак по расчёту в грубом смысле — скорее, изящ-

ное слияние двух вселенных, которое сделает обе семьи ещё влиятельнее. И то, что Мэтт и Дженна искренне любили друг друга, было лишь красивым бонусом, а не необходимостью.

Я глубоко вдохнула.

— А что сам Мэтт думает?

— Без понятия.

— Может, ты переживаешь раньше времени?

Дженна покачала головой.

— Они скооперировались с его родителями. А ты же знаешь его отца. Он как танк — если чего-то хочет, ничто его не остановит. Он ещё со второго курса подыскивает Мэтту «достойную» невесту.

У меня похолодели пальцы. «Мэтт никогда не говорил о семье». Я вспомнила тот разговор в коридоре — «она не из нашего круга». Тогда Мэтт промолчал. И сейчас он, наверное, тоже не станет спорить. Зачем? Дженна — идеальный выбор. Красивая, богатая, из правильной семьи. Я же всегда была где-то на обочине этого мира, гостьей, которую пускали за стол, но не предлагали остаться навсегда.

Я посмотрела на неё, пытаюсь подобрать слова.

— Думаю, тебе стоит обсудить это с Мэттом, а не напиваться.

Она горько улыбнулась.

— Он привык спорить с отцом. А я нет. Я не готова к браку, Кейт. Давление, которое, несомненно, будет... не думаю, что смогу противостоять этому.

Я накрыла её ладони своими. Её пальцы были холодными, несмотря на выпитое вино.

— Ты знаешь, что я буду на твоей стороне.

Дженна закрыла глаза и кивнула.

— Спасибо.

Я выдохнула. В моей груди боролись два чувства: острая, почти физическая боль от мысли, что Мэтт скоро станет мужем — официально, навсегда, — и искреннее желание поддерживать подругу, которая, несмотря на всё своё богатство, сейчас выглядела такой же потерянной, как и я.

— Давай вызовем такси?

Она задумалась, глядя в бокал.

— Хорошо. Но сначала... я допью.

Я лишь вздохнула.

Сегодня был долгий день. И я не знала, что пугало меня больше: молчание Аддамса, которое могло стоить мне работы, или новость о свадьбе, которая окончательно хоронила мою глупую, давнюю надежду.

Дверь открылась сразу после того, как я нажала на звонок.

На пороге стоял Мэтт. Брови сдвинуты, взгляд настороженный — но как только он увидел нас, напряжение ушло, а черты лица разгладились.

— Принимай груз, — пробормотала, осторожно снимая руку Дженны со своей шеи.

— Эй, — пьяно протянула она, вяло поднимая голову. — Не такой уж и тяжёлый. Всего сто тридцать два фунта при

моём-то шикарном росте.

— Конечно-конечно, — усмехнулся Мэтт, легко подхватывая её на руки.

Я отвела взгляд.

Он держал её так, будто она весила не больше пушинки — одной рукой под колени, другой под спину, прижимая к груди, как самое ценное. В этом движении было что-то настолько естественное, настолько интимное, что я почувствовала себя лишней. Случайной свидетельницей чужого счастья.

Я сделала шаг назад, уже готовая уйти, но в последний момент он обернулся.

— Подожди меня на кухне.

Я досадливо поджала губы, но всё же прошла внутрь.

Кухня была огромной. Размером с мою квартиру. Я наполнила стакан водой, молча опершись о мраморный остров, и устояла на поверхности. Тёмные прожилки расходились причудливыми узорами, а полированная гладь отражала светильники с потолка. Этот дом... он был не просто дорогим. В нём чувствовался вкус — и чувствовалась пропасть между нашими мирами.

— Прости, — послышался голос Мэтта. — Ушло немного времени, чтобы её уложить.

Я подняла голову. Он выглядел усталым. Так же, как и я.

— Ничего страшного. Ты хотел поговорить о том, почему она напилась?

Он кивнул.

— Она не хочет замуж. Не конкретно за тебя... а вообще. Бойся, что родители будут давить.

Я наблюдала, как в его глазах пробежала тень сомнения.

— Замужества? — он нахмурился, словно впервые задумываясь об этом.

Несколько секунд он просто смотрел на меня. Молча. И в этом молчании было что-то, от чего у меня по спине пробежал холодок. Он смотрел так, будто пытался прочесть что-то в моём лице — то, что я, возможно, не хотела показывать.

Я мысленно прокрутила в голове всё, что сказала за последние минуты. «Она не хочет замуж... а вообще». Я ведь не сказала ничего лишнего? Не выдала своих чувств? Не дала ему повода заподозрить, что эта новость ранила меня совсем не как подругу невесты?

— Думаю, вам стоит обсудить этот вопрос, — я вздохнула, а потом попыталась смягчить обстановку улыбкой. — Иначе она сопьётся.

Мэтт коротко усмехнулся, но взгляд у него был отстранённый. Он снова замолчал — и тишина зазвенела. Я вдруг остро осознала, что стою посреди чужой кухни, ночью, в нескольких шагах от мужчины, которого люблю, и делаю вид, что ничего не чувствую.

«Что я сделала не так? — пронеслось в голове. — Почему он так смотрит? Может, не стоило говорить про „не за тебя“? Может, он подумал, что я на что-то намекаю?»

Я взглянула на часы. Поздно. Слишком поздно, чтобы

оставаться здесь и дальше.

— Мне пора, — сказала я, отлепляясь от столешницы.

Я шагнула ближе и сжала его плечо — простой, почти машинальный дружеский жест. Но кожа под моими пальцами была горячей, словно он только что вернулся с пробежки. Мэтт замер. Едва заметно напрягся. Я почувствовала, как мышцы под моей ладонью на долю секунды окаменели.

— Надеюсь, вы с этим разберётесь, — добавила я, сглаживая неловкость.

Он проводил меня до двери, но прежде чем я успела открыть её, вдруг странно на меня посмотрел. Так, будто хотел что-то сказать. Но не решался.

И снова эта тишина. Вязкая, полная невысказанных слов. Я судорожно перебирала в уме всё, что могло его смутить. Может, дело не во мне? Может, он просто устал? Или, наоборот, я сказала недостаточно — слишком быстро ушла от темы, не поддержала его так, как поддержала бы настоящий друг?

Я не хотела уходить на грустной ноте, поэтому улыбнулась — деревянно, неестественно, но хоть что-то:

— И да, если вы всё же решите сыграть свадьбу, я не приду, пока не найду себе приличного спутника. Не хочу танцевать с кем попало.

Но он не улыбнулся. Не пошутил в ответ. Он просто стоял и смотрел. Так, что внутри у меня всё сжалось, а в горле пересохло. Его взгляд был долгим, тяжёлым — словно он

взвешивал что-то, что не решался произнести вслух.

«Что? — кричала я про себя. — Что ты хочешь сказать? Я что-то не то ляпнула?»

Я заставила себя выдохнуть и открыть дверь.

— Спокойной ночи, Мэтт.

Он кивнул. Медленно. Всё с тем же странным, нечитаемым выражением на лице.

Но даже когда я шагнула за порог, ощущение его взгляда на спине не исчезло. Оно жгло мне лопатки, пока я шла к такси, пока садилась в машину, пока смотрела в окно на проплывающие огни.

И только дома, закрыв дверь, я позволила себе выдохнуть — прерывисто, с дрожью.

— Мне ужасно не хочется идти туда одной, — удручённо пробормотала я, потирая пальцами виски.

После того вечера на его кухне, мысль о его дне рождения вызывала не радость, а глухое сопротивление. Я прокручивала в голове его взгляд и не могла понять, что он означал. Осуждал ли он меня за что-то? Или, наоборот, жалел? А может, ему просто было неловко, что его невеста напилась, а я стала свидетелем их личного кризиса?

Я не знала. И именно поэтому идти туда не хотелось вовсе.

Там будут все эти люди с деньгами — с огромными деньгами. Они замечают тебя только в том случае, если сумма на твоём счете стартует от шести нулей. Этот помпезный празд-

ник будет больше похож на светский раут, чем на уютный день рождения. И как будто мне было мало этого стресса, я ещё и ломала голову над подарком. Что дарить человеку, у которого есть всё? Или, по крайней мере, всё, что он пожелает?

Но хуже всего было не это. Хуже всего было идти одной.

Одной — значит стоять у стены с бокалом, пока гости обсуждают яхты, инвестиции и летние дома, в которые я никогда не буду приглашена. Одной — значит ловить на себе сочувственные или, того хуже, снисходительные взгляды: «Бедняжка, даже без пары». Одной — значит весь вечер притворяться, что мне весело, в то время как Мэтт будет где-то в другом конце зала, и я буду гадать, заметит ли он моё присутствие или снова посмотрит тем самым молчаливым взглядом, от которого у меня всё внутри переворачивается.

Я устало вздохнула. Я знала, что буду чувствовать себя там чужой, не на своём месте. Но когда я попыталась отказаться, Мэтт только пожал плечами и сказал: «Отец хочет, чтобы я устроил праздник, чтобы все убедились: я уже не ребёнок и готов возглавить компанию». Это был не день рождения. Это была демонстрация. И я была в списке приглашённых не как близкий друг, а как часть декорации, подтверждающая его статус.

— Так не иди, — просто сказала Аманда, пожав плечами.

Я покосилась на неё. Мы были знакомы не так давно, но я уже восхищалась её лёгкостью в принятии решений. Она

плыла по жизни, не тратя время на ненужные сомнения и тревоги. Как ей это удавалось?

— Я бы с радостью, но это день рождения моего лучшего друга, — напомнила я ей, хотя «лучший друг» теперь звучало как-то иначе.

— Пригласи Джека, — предложила Аманда. — Он с удовольствием пойдёт.

Я не успела ответить — сзади неожиданно раздался голос Аддамса:

— В рабочее время надо думать о работе, а не о свиданиях.

Я вздрогнула. Чёрт. Как он подкрался так тихо?

Аманда, разумеется, ничуть не смутилась. Она повернулась к нему и легкомысленно возразила:

— У нас обеденный перерыв. И ей нужен не парень для свидания, а спутник для мероприятия.

Мне стало жарко. Аддамс смотрел прямо на меня, скрестив руки на груди. Лёгкий прищур, ровное, спокойное выражение лица — но в его взгляде было что-то оценивающее.

Как долго он нас слушал?

Я сглотнула, отчаянно стараясь взять себя в руки.

— Ну, это... — начала я, но голос дрогнул. Я прокашлялась и попыталась говорить твёрже. — Это ничего серьёзного.

— Правда? — Аддамс чуть склонил голову, будто сомневаясь.

Ещё хуже. Теперь казалось, что мне приходится его в чём-то убеждать.

— Разумеется, — я выпрямилась, скрестив руки на груди.
— Просто не хочется идти одной, и всё.

Я не стала добавлять, что «одной» на этом празднике означает полную изоляцию — без поддержки, без человека, с которым можно обменяться взглядом, полным иронии над происходящим абсурдом. Что после угрюмого молчания Мэтта я вообще не уверена, стоит ли мне там появляться.

Аманда хмыкнула.

— Ну вот, а ты переживала, что останешься без пары. Может, Аддамс сам согласится тебя сопровождать?

Я замерла.

Медленно, очень медленно повернулась к ней, потрясённо распахнув глаза.

— Аманда! — зашипела я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Но слова уже были сказаны. И что хуже всего — Аддамс их услышал.

Я украдкой взглянула на него. Он всё так же стоял, скрестив руки на груди, но теперь в его глазах мелькнуло что-то новое — лёгкий интерес.

— Интересная мысль, — спокойно заметил он, бросив на меня изучающий взгляд.

Моё сердце пропустило удар. Нет. Только не это.

Он хмыкнул, словно что-то обдумывая, коротко кивнул

— не то мне, не то самому себе — и ушёл.

Я проводила его взглядом, чувствуя, как внутри всё скручивается в тугой узел.

— Кто тянул тебя за язык? — прошипела я, оборачиваясь к Аманде.

Сердце стучало где-то в горле, в ушах шумело. Знакомое жгучее чувство в груди — смесь смущения, тревоги и лёгкой паники. Теперь к страху перед днём рождения Мэтта добавился ещё и ужас перед тем, что Аддамс действительно может явиться ко мне в качестве спутника. И что тогда? Объяснять Мэтту, почему мой начальник сопровождает меня на его праздник?

В голове пульсировала одна мысль: «Как я теперь буду смотреть в глаза обоим?»

— Он согласится, — спокойно ответила Аманда, как будто только что не выставила меня перед боссом в самом нелепом свете.

— Да он вообще ничего не сказал, — возразила я, судорожно прижимая к себе бумажный стаканчик с кофе, как будто тот мог меня защитить.

— Потому что уже всё решил, — пожала она плечами.

Я беспомощно вздохнула. Аманда, как всегда, была слишком уверена в себе. Она не видела ничего страшного в том, чтобы вот так легко разбрасываться словами. А я теперь должна была как-то существовать рядом с Аддамсом, делая вид, что ничего не произошло. И, возможно, готовиться к

вечеру, где я окажусь между двух мужчин, каждый из которых смотрит на меня так, будто я — загадка, которую они не могут разгадать.

«Моя жизнь превратилась в какую-то странную череду нелепостей».

Я сделала глоток кофе, но он уже остыл. На языке осталось неприятное горькое послевкусие. Точно такое же, как от всей этой ситуации.

5 глава

Я нервно крутилась перед зеркалом, перепроверяя последние штрихи своего наряда. На мне было элегантное шёлковое платье, которое наконец дождалось своего часа. Идеальная причёска, безупречный макияж — всё было на месте. Только одно омрачало этот вечер: мне предстояло быть на этом празднике жизни одной. Терпеть снисходительные взгляды, выдерживать дежурные вопросы.

Я застёгивала ремешок босоножек, когда в дверь позвонили.

Когда я открыла, то замерла на пороге, всё ещё балансируя на одной ноге.

— Мистер Аддамс?.. — голос мой звучал растерянно. — Что вы здесь делаете?

Только потом я заметила, как он выглядел. Дорогой костюм, идеально сидящий на высоком, статном теле. Запах древесного парфюма с лёгкими нотками пряностей, такой насыщенный вблизи, что кружил голову.

— Я твой сопровождающий на этот вечер, — спокойно ответил он, улыбаясь так, будто говорил очевидную вещь.

— О... — я застыла, не зная, что сказать.

Сопровождающий? Он серьёзно? Мой начальник, человек, который ещё вчера пронзал меня холодным взглядом через конференц-зал, будет сопровождать меня на день рож-

дения моего лучшего друга? Мир сошёл с ума. И я, кажется, вместе с ним.

— Аманда была так мила, что помогла мне выяснить твой адрес, — добавил он, скользнув взглядом по моему наряду. В глазах промелькнуло что-то... Одобрение? Или что-то глубже?

Я попыталась спрятать смущение за суетой, опускаясь на корточки, чтобы наконец застегнуть ремешок босоножки. Но не успела.

— Позволишь? — его голос был низким, чуть приглушённым.

Я замерла, когда он вдруг шагнул вперёд и опустил передо мной на одно колено.

Одно колено.

Мой начальник. Человек, перед которым дрожал весь офис. Опустился передо мной — в своём безупречном костюме, который, я была уверена, стоит больше, чем я зарабатываю за месяц. Я смотрела на него сверху вниз — на его тёмные волосы, на то, как свет из прихожей падает на его плечи, — и не могла произнести ни звука. Это было слишком интимно. Слишком неправильно. Слишком похоже на сцену из романтического фильма, который я никогда не осмелилась бы применить к собственной жизни.

Его пальцы легко скользнули по моей щиколотке, чуть надавливая, удерживая. Тёплые, уверенные — совсем не такие, как у человека, который просто помогает с застёжкой. Он не

спрашивал разрешения прикоснуться. Он просто взял мою ногу в свою ладонь так, будто имел на это право. И от этой спокойной уверенности у меня перехватило дыхание.

Он неспешно застегнул тонкий ремешок. Его большой палец на секунду задержался на моей коже — чуть выше косточки, там, где пульс бьётся особенно заметно. Я молилась, чтобы он не почувствовал, как бешено колотится моё сердце.

В комнате стало невыносимо тихо. Или, может, это просто я перестала слышать что-либо, кроме оглушительного стука крови в ушах?

Когда он поднял голову, нависая надо мной, я не сразу смогла встретить его взгляд. Его лицо оказалось слишком близко. Я видела каждую деталь: тонкую линию губ, тень от ресниц, крошечную родинку над левой бровью, которую не замечала раньше.

— Отлично выглядишь, — его голос стал ниже, чуть хрипловатее. Или мне показалось? — Идём?

Я кивнула, боясь, что голос меня подведёт. Говорить я всё равно не могла. В голове билась одна-единственная мысль: «Он только что стоял передо мной на коленях».

Аддамс был настоящим джентльменом — этого у него не отнять. С ним я чувствовала себя героиней старого голливудского фильма, той самой принцессой, которую привозят на бал в карете. Он открывал передо мной двери, придерживал за локоть, когда я выходила из машины, и от одного этого прикосновения — лёгкого, почти формального — по коже

пробежали мурашки. Но стоило нам войти в зал, как очарование рассыпалось, словно стеклянная туфелька о каменный пол.

Это был не тёплый дружеский вечер, а демонстрация статуса и власти. Люди здесь не праздновали — они соревновались. Чей наряд дороже? Чьё вино старше? Чей смех звучит громче и увереннее? Это было светское шоу, где каждый хотел блеснуть. Кто — дизайнерским платьем за сумму, которой хватило бы на год аренды моей квартиры. Кто — рассказом о дорогом вине, стоимость которого могла бы обеспечить кому-то месячный отпуск на Мальдивах.

Я почувствовала, как Аддамс замедлил шаг, оглядывая зал с лёгким недоумением. Затем повернулся ко мне, приподняв бровь.

— Аманда сказала, что ты приглашена на день рождения, — заметил он, протягивая мне бокал шампанского.

— Так и есть, — пробормотала я, пряча глаза.

Он коротко хмыкнул, осматривая сверкающий интерьер.

— Это день рождения президента?

— Нет. Всего лишь моего лучшего друга.

Он не успел ответить — к нам уже стремительно направлялась Дженна, сияя, как рождественская витрина.

— Кейт! — она легко поцеловала меня в щёку и тут же перевела взгляд на моего спутника. В её глазах вспыхнуло узнавание. — Кажется, я вас знаю.

Аддамс спокойно кивнул, будто давно привык к подоб-

ным словам, и включил свою фирменную сдержанность.

— Марк Аддамс, — представился он, протягивая руку.

— Дженна Уильямс, — она широко улыбнулась, крепко пожимая его ладонь. — И, по совместительству, лучшая подруга Кейт.

Когда официант подошёл с подносом, Аддамс ненадолго отвлёкся, принимая ещё два бокала. Этого мгновения Дженне хватило, чтобы хитро подмигнуть мне и беззвучно сказать: «Молодец, девочка».

Я быстро отвела взгляд, скрывая улыбку. Если бы она знала, как всё на самом деле.

Дженна ненадолго задержалась, пожелав нам отличного вечера, а затем растворилась в толпе, оставляя меня наедине с Аддамсом и бурей странных эмоций, поднявшихся внутри.

Чувствовала ли я себя не в своей тарелке?

О, ещё как.

Час назад я готовилась неловко краснеть в одиночестве, но теперь краснела в компании Аддамса — и, что самое поразительное, он, казалось, был создан для этого мира. Я ожидала, что он будет держаться холодно и отстранённо, как в офисе, но вместо этого он с лёгкостью, почти артистично, включился в игру. Он уверенно вёл меня сквозь толпу, его рука лежала на моей талии — ровно настолько, чтобы не нарушить приличий, но достаточно близко, чтобы я чувствовала тепло его ладони через тонкий шёлк платья. Он с ходу находил общий язык с гостями — с банкирами обсуждал ин-

вестиции, с их жёнами обменивался изящными комплиментами, с кем-то из старых знакомых обменивался короткими остротами, от которых те разражались смехом. Его харизма работала безотказно, и я вдруг осознала, что смотрю на него с открытым ртом.

Это был совсем другой человек. Не тот Аддамс, что заставлял меня дрожать на совещаниях, пронзал холодным взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Здесь, в этом зале, он был обходительным, внимательным, даже... обаятельным. Когда кто-то из гостей отпустил неудачную шутку в мой адрес — что-то про «милую спутницу, которая, кажется, потерялась среди взрослых», — Аддамс мгновенно перевёл разговор, так ловко и с такой убийственной вежливостью, что шутник сам не заметил, как оказался в словесной ловушке и был вынужден ретироваться. Я даже не успела обидеться.

Я быстро осознала, что теперь это не он мой спутник, а я — его. Люди охотно включались в беседу, улыбались, но стоило им узнать, что он не имеет ни малейшего отношения к имениннику, как их улыбки становились чуть шире, а взгляды — куда более многозначительными. Они смотрели на него с уважением, смешанным с охотничьим интересом, а на меня — с плохо скрытым любопытством: кто эта девушка, которую сопровождает сам Марк Аддамс?

Я чувствовала эти взгляды на себе. Их едва скрытое любопытство. Снисходительные полуприкрытые веки, вопро-

сы, которые повисали в воздухе, так и не будучи произнесёнными.

Минут через тридцать мне это окончательно наскучило. Или, если быть честной, стало невыносимо. Под благовидным предлогом я ретировалась в сторону уборной, оставив Аддамса наедине с фуршетным столом.

Закрывшись в кабинке, я выдохнула, уставившись в гладкую дверь перед собой. Всего несколько минут, чтобы прийти в себя. Выровнять дыхание, восстановить самообладание и снова приклеить на лицо маску безразличия.

Но стоило услышать доносящиеся с другой стороны голоса, как в груди что-то сжалось.

— Ты видела? Дженна светится, как неоновая вывеска. Грант наверняка уже сделал ей предложение.

— Ну, конечно. Как иначе? — хихикнула другая.

Я прикрыла глаза, сжимая руки в кулаки. В ушах зашумело.

Сегодня мне ещё предстоит встретиться с Мэттом. Я должна улыбаться. Должна выглядеть счастливой.

Но как это сделать, когда мир вокруг не даёт забыть, что человек, которого ты любишь, — с другой?

... А когда ты любишь их обоих, это становится вдвойне невыносимо.

Я стояла в тени, спрятавшись за массивным букетом лилий, и наблюдала, как Аддамс ловко отбивается от Меган.

Меган Хартли — моя персональная заноза ещё со студен-

ческих времён. Если бы кто-то предложил мне выбрать между ней и курсовой по истории искусств, я бы выбрала курсовую. Дважды. И сдала бы её в срок.

Разумеется, она узнала Аддамса. И теперь использовала весь арсенал своего обаяния, чтобы привлечь его внимание. Скользила ладонями по его предплечью, наклонялась ближе, прикусывала губу в особенно удачных моментах беседы.

Я закатила глаза.

Перевела взгляд на Мэтта.

Он выглядел уставшим, но по-прежнему безупречным. Приветливо улыбался гостям, пожимал руки, исполняя роль идеального сына, которым можно гордиться. Но я замечала то, чего не видели другие: как он иногда бросал взгляды в сторону выхода, как чуть дольше положенного задерживал ладонь на бокале. Ему тоже было некомфортно в этом спектакле. И почему-то от этого становилось только больше.

Дженна появилась за его спиной, осторожно провела рукой по его плечу. Мэтт вздрогнул от неожиданности, но стоило ему увидеть её, как в глазах отразилось мгновенное облегчение. Он расслабился, мягко улыбнулся.

Я отвела взгляд.

Хотя бы кто-то здесь чувствовал себя в своей тарелке.

— Я разгадал ваш коварный план, мисс Белл, — раздался у меня за спиной низкий, бархатистый голос.

Я вздрогнула, резко обернувшись.

Аддамс стоял слишком близко. Его глаза чуть прищуре-

ны, уголки губ тронуты едва заметной улыбкой.

— Какой ещё план?

— Бросать меня в бой перед охотницами за... — он ненадолго задумался, подбирая слово, — ...чем-то ценным.

— Деньгами? — предположила я.

— У них с этим всё в порядке, — лениво отозвался он, и в его голосе мелькнула искра веселья. — Но я начинаю подозревать, что им нужно нечто более... редкое.

Я склонила голову набок, внимательно наблюдая за ним.

— Возможно, они хотят не ваших денег, а вас.

Губы Аддамса дрогнули в усмешке. Он наклонился чуть ближе — ровно настолько, чтобы я уловила тепло его дыхания и древесную нотку парфюма.

— В таком случае, мисс Белл, вам стоит беспокоиться.

— О чём же?

— Теперь я знаю, что вы вполне способны пожертвовать мной ради собственного спокойствия.

Я хмыкнула, сложив руки на груди.

— Ну, вы же справились? Разве нет?

Он задержал на мне взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то опасное. Что-то, от чего у меня по спине пробежали мурашки. Между нами повисла короткая, но наполненная электричеством пауза. Мы словно флиртовали — легко, почти неосознанно, словно пробуя слова на вкус. Я чувствовала, как мои щёки заливают румянец, и почему-то не могла отвести глаз.

— Развейте мои сомнения, мисс Белл, — вдруг произнёс Аддамс, его голос стал мягче, но в нём читался явный вызов. — День рождения вашего друга... а он так и не удосужился подойти к вам и поприветствовать? — он слегка поднял брови. — Неужели он настолько занят другими гостями, что не нашёл для вас даже пяти минут?

Я приоткрыла рот. Внутри что-то оборвалось. Я хотела защитить Мэтта, найти какое-то объяснение — что он именинник, что у него обязанности, что это просто такая манера, — но каждое оправдание казалось жалким. Потому что единственное, что крутилось на языке, было: «Он должен уделить время всем». И это звучало так, словно я для него — просто одна из толпы. Не та, с кем он провёл лучшие годы.

— Он очень занят, — выдавила я наконец. — У него сегодня много гостей, он просто должен...

— Должен, — повторил Аддамс, растягивая слово. — Значит, я должен компенсировать его невнимание. Идёмте.

Я не успела ни возразить, ни даже осознать, что происходит — он уже ловко взял меня под руку и направился в сторону Мэтта, уверенно ведя сквозь толпу.

Мои мысли бешено закричали в голове. Нет. Нет. Нет. Я не была готова. Не сейчас. Не так. Но было уже поздно.

Мэтт и Дженна заметили нас.

Мой инстинкт кричал: «Беги». Сердце колотилось о рёбра, ладони вспотели, но я заставила себя улыбнуться — безупречной голливудской улыбкой, которую надевают актрисы

на вручении «Оскара».

«Отыгрывать, так отыгрывать, Кейт».

Аддамс, разумеется, уже взял ситуацию в свои руки. С непринуждённой уверенностью, которая так шла ему этим вечером, он протянул руку Мэтту, пожимая её с вежливой лёгкостью, словно они были давними знакомыми.

— С днём рождения, — произнёс он ровным, лениво-спокойным тоном, в котором слышался лёгкий оттенок превосходства.

Мэтт нахмурился, оценивающе оглядел его, затем посмотрел на меня.

— Спасибо, — ответил он коротко, но в голосе мелькнуло замешательство. — А вы?..

— Марк Аддамс, — представился тот, его улыбка была лёгкой, чуть насмешливой, словно он играл в свою собственную игру.

Мэтт слегка напрягся. Я видела, как он моментально сложил два плюс два. В его взгляде мелькнуло узнавание, затем лёгкое недоверие.

«Кейт... это же твой начальник. А как же рабочая этика?»

Я почти слышала, как эти слова формируются у него в голове. Буквально на секунду в его глазах отразилась укоризна... и ещё что-то.

Моё сердце болезненно сжалось.

Да, я знала, что появление на вечеринке с начальником нарушает все мыслимые правила. Я знала, что это вызовет во-

просы, шёпотки за спиной, взгляды. Но почему именно Мэтт сейчас смотрел на меня так, словно я предала что-то важное?

— Кейт не спешила нас знакомить, — легко сказал Адамс, скользнув по мне коротким, но выразительным взглядом. — Так что я решил взять всё в свои руки.

— Правда? — Мэтт сузил глаза и посмотрел прямо на меня. — Почему же?

Я открыла рот, чтобы что-то сказать. Но слова застряли в горле. В груди зашумело, будто кто-то резко выпустил весь воздух из комнаты. Потому что я не знала, что ответить.

6 глава

Мы устроились за столиком, скрытым от посторонних взглядов высокой композицией из белых лилий и приглушённым светом свечей. Атмосфера казалась почти интимной, если бы не напряжение, густо стелившееся между нами. Оно было ощутимым, почти физическим — как холодное лезвие ножа, проведённое по коже.

Мэтт сел напротив, закинув ногу на ногу и сцепив пальцы в замок. Его поза была непринуждённой, но именно в этой расслабленности чувствовалась искусственная напряжённость. Он выглядел так, словно держал себя в руках лишь потому, что не хотел выдать раздражение.

— Как давно вы встречаетесь? — поинтересовалась Дженна, наливая себе вина. Её голос был слишком лёгким, а взгляд — слишком внимательным, когда она скользнула им по мне.

Я поперхнулась шампанским, и в тот же момент почувствовала, как рука Аддамса уверенно касается моей спины, помогая мне восстановить дыхание. Этот жест был почти небрежным, но в нём читалась собственническая нотка. Не знала, было ли это нарочно.

Я было открыла рот, чтобы возразить, но Аддамс быстро взял дело в свои руки.

— Достаточно, чтобы знать, что она не любит вечеринки,

— ответил он, откидываясь назад и лениво крутя в пальцах ножку бокала.

Я напряглась. В его голосе скользнула лёгкая насмешка, но в глубине её таилась скрытая угроза, тонкий вызов.

— Вот как? — Мэтт улыбнулся, но его глаза оставались холодными, изучающими, словно он искал в моём лице ответ на вопрос, который так и не задал вслух.

Я сжала бокал, холод стекла неприятно обжёг ладонь. Знает ли он, что я приходила на эти вечеринки ради него? Ради них с Дженной? Сейчас мне не хотелось этого выяснять.

Наступила короткая пауза. Официант принёс закуски — устрицы, тартар из тунца, нежные кусочки утки с брусничным соусом. Казалось бы, идеальный ужин. Мы разыграли сцену безмятежного общества: Дженна болтала, Мэтт кивал, иногда улыбаясь, Аддамс с рассеянной небрежностью вертел в руках бокал, а я... я чувствовала, как внутри всё сжимается в тугой узел.

— Марк, — вдруг сказал Мэтт, поворачиваясь к нему с чуть более искренней, но оттого ещё более опасной улыбкой. — И чем же занимается такой человек, как вы?

— О, совершенно скучные вещи, — Аддамс ухмыльнулся и скользнул по мне коротким взглядом. — Сказал бы я, если бы был одним из...

Он огляделся вокруг, и его усмешка чуть изменилась, приобрела тонкий оттенок презрения. Повсюду — влиятельные люди, миллиардеры, владельцы корпораций. Одни ис-

крenne наслаждались вечером, другие были здесь ради выгодных сделок. День рождения был лишь формальностью, удачным поводом собрать всех в одном месте.

— Но моя работа никогда не бывает скучной, — закончил он, пригубив вино и хмыкнув. — Хотя, конечно, развлекаться тоже не стоит забывать.

— Развлекаться? — Мэтт приподнял бровь, и в его голосе мелькнула лёгкая насмешка.

— Например, неожиданно оказаться на чужой вечеринке, — Аддамс усмехнулся, но в его глазах сверкнул холодный, почти хищный блеск.

Я почувствовала, как воздух между ними стал густым, тяжёлым. Это уже не была просто беседа. Это был осторожный, почти ритуальный танец двух хищников, оценивающих друг друга перед прыжком. Мои пальцы под столом сами собой нашли край салфетки и начали терзать его — снова и снова, скручивая ткань в жгут, разглаживая, опять скручивая. Я боялась, что ещё минута — и я просто закричу. Прямо здесь, посреди этого роскошного зала, на глазах у всех этих людей. Закричу, чтобы разорвать это невыносимое, удушающее напряжение.

«Какого чёрта?»

Я хотела что-то сказать, нарушить эту игру в поддавки, но прежде, чем я успела открыть рот, Дженна рассмеялась.

— О, мистер Аддамс, вам стоит ходить на вечеринки чаще! В следующий раз я пришлю вам официальное пригла-

шение.

— Буду ждать, — ответил он с лёгкой улыбкой, но я заметила, как его пальцы чуть крепче сжали нож. — И зовите меня Марк. Мы же не на переговорах.

Я медленно выдохнула, но облегчение было мнимым. Что-то подсказывало мне, что настоящая игра только началась. И я вовсе не уверена, что хочу быть её частью.

После нескольких минут их разговора, который я почти не слушала, мечтая лишь об одном — встать и уйти, я поймала себя на том, что сжимаю бокал слишком крепко, а салфетка под столом давно превратилась в измятый комок. Аддамс нарушал все мыслимые правила, которые мне потом придётся разгребать. Мэтт вёл себя странно, даже агрессивно. Раньше я никогда не замечала за ним подобного. Он всегда был тактичен, знал, что сказать и когда. Отец с детства воспитывал в нём эту способность. Если это его способ помочь мне, то, пожалуй, я обойдусь.

Через полчаса даже Дженна уловила напряжение, сгустившееся за нашим столиком, и в мгновение ока организовала медленные танцы. Под предлогом расслабиться она увела Мэтта, и я была ей только благодарна. Когда они отошли, я наконец выпустила из пальцев истерзанную салфетку и сделала глубокий вдох — первый за, казалось, целую вечность.

— Он не похож на своего отца, — вдруг сказал Аддамс.

Я повернулась к нему, озадаченная.

— Вы знакомы? — спросила я.

— Да, мне доводилось с ним работать. Отвратительный тип.

Я слышала, что отец Мэтта — человек жёсткий, но чтобы настолько...

Прежде чем я успела расспросить его подробнее, у нашего столика остановилась девушка.

— Марк! — произнесла она с лёгким оттенком удивления и восторга.

Я увидела, как на долю секунды в глазах Аддамса мелькнуло замешательство, но он быстро взял себя в руки и одарил её своей фирменной улыбкой в которой читались хищный интерес и лёгкая насмешка.

— Мишель, — сказал он ровным голосом.

Девушка смотрела на него так, словно видела родного человека. Никакой неловкости, никакой дистанции. Что-то в этом взгляде мне не понравилось. И это «не понравилось» напугало меня больше, чем сама Мишель. Потому что это чувство было слишком похоже на ревность. А ревность означала, что я начала воспринимать его не как начальника. Что профессиональная дистанция, за которую я так держалась, уже дала трещину.

Наверняка она его бывшая девушка. Или хочет ею стать.

Как и следовало ожидать, Мишель выглядела так, словно только что сошла с подиума Victoria's Secret — высокая, стройная, безупречно ухоженная. Под стать самому Марку Аддамсу.

Я почувствовала неприятный укол в груди и тут же разлилась на себя. Какое мне вообще дело? Это не было частью плана. Никакой ревности. Никакой привязанности. Я не могла позволить себе потерять голову из-за мужчины, от которого зависела моя карьера. Одно неверное движение — и я не просто лишусь работы, а стану офисной сплетней. «Та самая стажёрка, которая закрутила с боссом». Я слишком долго пробивала себе дорогу, чтобы теперь позволить слухам её перечеркнуть.

Тогда почему вдруг в воздухе стало не хватать кислорода? — Что ты здесь делаешь? — спросила Мишель. Её голос звучал напряжённо, но взгляд говорил больше, чем слова. Она мельком оценила меня — холодно, с недоверием.

Понятно. Её не интересовал сам Аддамс, а то, что он делает здесь со мной.

Аддамс чуть заметно улыбнулся, не спеша поднялся. Его движения были ленивыми, но в них скрывалось напряжение. Он взглянул на меня, и его глаза стали цепкими, изучающими.

— Видимо, приглашаю девушку на танец, — сказал он, протягивая руку.

Я замерла на мгновение, не веря, что он обращается именно ко мне. Но быстро взяла себя в руки и вложила свою ладонь в его.

Когда мы уходили, я всё же бросила взгляд на Мишель. Её глаза сверкали, губы были сжаты в жёсткую линию, как у

хищницы, готовой к прыжку. И в этот момент я вдруг остро осознала: я стою на танцполе с мужчиной, под прицелом женщины, которая его явно хочет, и завтра мне придётся смотреть ему в глаза на совещании. Как я буду это делать? Как смогу сидеть через стол и обсуждать концепции, помня, как его пальцы сжимали мою талию?

Среди танцующих пар свет был приглушён, создавая атмосферу романтики и интимности. Музыка текла плавно, а Аддамс держал меня за талию — слишком крепко, слишком близко. Его пальцы жгли через ткань платья. Он выглядел напряжённым, но я чувствовала, что причина этого не в нашем танце.

— Ваша бывшая? — тихо спросила, не скрывая любопытства. В конце концов, если уж я переступила черту профессиональных отношений, почему бы не узнать всё до конца.

— Нет, — хмыкнул он, уголки губ дрогнули в усмешке. — Сестра моей бывшей невесты.

Я моргнула.

Ого. Теперь многое стало понятным. Но Мишель вела себя так, как будто когда-то имела на него права. Их история была явно бурной, и я солгу, если скажу, что мне это не интересно. Я хотела знать больше — и это желание пугало. Когда я успела начать воспринимать его не как босса, а как мужчину, чьё прошлое меня волнует? Где была та точка невозврата? В машине? В квартире, когда он застёгивал мой ремешок?

— А она... — начала я, но замялась, не зная, как правильно задать вопрос.

— Хочет меня? — усмехнулся он, в его взгляде блеснуло лукавство. — Да.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь не показать удивления.

— Звучит как история, достойная бестселлера.

— Если вам по душе обман, манипуляции и предательство, то да, — сказал он беззаботно, но в его голосе проскользнула ледяная нотка. — Но не будем о прошлом. Давайте лучше думать о будущем.

Он посмотрел на меня так, что внутри всё сжалось от предвкушения. И в этот момент я не могла не признать: он был интересен мне. Не как начальник, не как легенда рекламного мира. Как мужчина. От этого осознания становилось страшно. Потому что если я позволю этому интересу разрастись, обратной дороги не будет. Ни для моей карьеры, ни для моего сердца.

Музыка сменилась на что-то медленное, пропитанное обещанием. Мягкие ноты фортепиано заполнили зал, и воздух, казалось, стал гуще, насыщеннее. Аддамс не отпустил меня, только крепче сжал талию, притягивая меня к себе.

— Давайте сделаем вид, что нам это нравится, — прошептал он у самого уха, и от его голоса по коже побежали мурашки.

«Сделаем вид». Конечно. Именно так. Притворство. Игра. Но когда его пальцы скользнули выше по моей спине, ко-

гда я почувствовала тепло его груди через тонкую ткань рубашки, игра перестала ощущаться как игра. Я прикрыла глаза, позволяя себе забыть о завтрашнем дне. О совещаниях, об офисных сплетнях, о профессиональной этике, которую я нарушала прямо сейчас.

— Вам всегда нужно всё контролировать? — спросила я, поднимая голову, чтобы встретиться с его взглядом.

Его губы дрогнули в лёгкой усмешке.

— А вам всегда нужно задавать вопросы?

Я не ответила. Достаточно было того, как наши тела двигались в унисон, как его пальцы чуть крепче сжали мою талию, как его дыхание касалось моей кожи.

Он наклонился ближе, не оставляя мне выбора, кроме как положить ладонь ему на грудь. Под тонкой тканью рубашки я ощущала ровный, спокойный пульс. Слишком спокойный. Словно он уже всё решил. Словно его не мучили те же сомнения, что терзали меня.

— Нам не кажется, что мы слишком увлеклись? — прошептала я, позволяя себе испытать этот момент до конца. Вопрос был столько же ему, сколько себе.

— Мы просто играем роли, — ответил он, наклоняясь так близко, что его дыхание скользнуло по моей щеке. — Разве не так?

Он был прав. В какой-то мере.

Но когда наши лбы почти соприкоснулись, когда его взгляд впился в мой, я поняла: роль, которую я играю, боль-

ше не ощущается как чужая. Она ощущается как правда.

— Осторожно, Кейт, — его голос прозвучал низко, почти ласково. — Это может привести к последствиям, которые вам могут не понравиться.

Но он не отстранился. И я тоже.

Словно электрический разряд прошёл через меня, когда Аддамс вдруг отступил, перехватил мою руку и повёл меня обратно к столику. Я заставила себя сделать глубокий вдох, пытаюсь унять хаос, который он оставил после себя. Аддамс умел создавать напряжение.

Но когда мы подошли к столику, меня удивило другое.

Мэтт был пьян.

Дженна выглядела растерянной, её выражение металось между раздражением и тревогой. Весь оставшийся вечер Мэтт молча подливал себе виски, пьянел буквально на глазах. Дженна пыталась отвлечь его разговором, но он отвечал коротко, рассеянно, как будто мысли его были где-то далеко.

Позже, когда мы с Дженной вышли в дамскую комнату, я, не выдержав, спросила:

— Что с ним?

Она лишь растерянно пожала плечами.

— Не знаю. Это не похоже на него.

Я нахмурилась. Может, у него какие-то проблемы на работе? Или с отцом? Мэтт никогда не был особо разговорчив и редко посвящал нас в свои трудности. Он привык носить маску идеального сына, и я знала, что за этой маской часто

скрывается что-то, о чём он не готов говорить даже с самыми близкими.

Аддамс сказал, что отойдёт на минуту — организовать нам транспорт до дома. Я решила воспользоваться моментом и зайти в дамскую комнату перед дорогой.

Дженна уже показала мне уединённую комнату, и я уверенно направилась туда. Но, услышав быстрые шаги позади, я обернулась.

Мэтт.

Он почти бежал, что само по себе было достижением в его состоянии. Лицо напряжённое, а в глазах читалось что-то большее, чем раздражение или недовольство.

— Осторожнее, Мэтт, — сказала я, хватая его за руку. Он шатался, и ещё немного — точно бы упал.

Но он только фыркнул.

— Ты же знаешь, что он тебе не подходит, — выпалил он. Я замерла.

— Что?

— Аддамс. Он просто играет. А ты... ты не такая.

Я нахмурилась, не понимая, как истолковать его слова.

— О чём ты вообще говоришь?

Мэтт сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между нами до опасной близости.

— Дело не в нём. И даже не в тебе. А в том, что я... — он стиснул челюсти, словно борясь с собой.

Сердце пропустило удар.

— Мэтт...

Но прежде чем я успела договорить, он притянул меня к себе и поцеловал.

Жадно и отчаянно. Как человек, который слишком долго сдерживался.

Я застыла. Весь мир — музыка, голоса, свет — схлопнулся в одну точку, и этой точкой было давление его губ на моих. Я чувствовала вкус виски и соли, тепло его ладони, вцепившейся в мой затылок, жар его тела, прижавшегося ко мне с такой силой, будто он боялся, что я исчезну. Мои руки зависли в воздухе, не зная, что делать — оттолкнуть? Притянуть ближе? Мозг отказывался обрабатывать происходящее. Это не укладывалось ни в одну картину мира, которую я строила четыре года.

Мэтт целовал меня, целовал меня так, словно умирал от жажды, а я была единственным источником воды.

Я не отвечала, не могла. Слишком много всего обрушилось разом: шок, неверие, вспышка боли где-то глубоко в груди — и предательская, запретная искра чего-то, что я запретила себе чувствовать.

А потом он отстранился. Его глаза были мутными, безумными, и в них стояло столько боли, что у меня перехватило дыхание.

— Кейт... — прошептал он хрипло.

Я стояла, вжавшись спиной в дверь дамской комнаты, и чувствовала, как дрожат колени. Что я должна была сказать?

Что он только что сделал? Где-то в зале его ждала Дженна — моя лучшая подруга. А здесь, в пустом коридоре, он только что поцеловал меня. И я понятия не имела, что со всем этим делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.